

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

ПАРЕНЬ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

- [Аркадий и Борис Стругацкие](#)

- [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
-

Аркадий и Борис Стругацкие

Парень из преисподней

Другой раз встретишь такого и подумаешь: вроде парень ничего. А он, глядишь, разинет рот да и пойдёт сыпать трескучими словесами: господствующая раса, безоговорочная преданность, фанатическая воля, ну, в общем, крутит шарманку....

Д. Нолль, «Приключения Вернера Хольта»

Я по профессии учитель, таких ребят, как вы, я готовлю к выпускным экзаменам и хочу делать это и впредь. Что же мне, преподавать в пустых классах? Постарайтесь продержаться! Когда с войной будет покончено, тогда-то и начнется тяжелая борьба....

Там же

Глава первая

Ну и деревня! Сроду я таких деревень не видел и не знал даже, что такие деревни бывают. Дома круглые, бурые, без окон, торчат на сваях, как сторожевые вышки, а под ними чего только не навалено – горшки какие-то здоровенные, корыта, ржавые котлы, деревянные грабли, лопаты... Земля между домами – глина, и до того она выжжена и вытоптана, что даже блестит.

И везде, куда ни поглядишь, – сети. Сухие. Что они здесь сетями ловят – я не знаю: справа болото, слева болото, воняет как на помойке... Жуткая дыра. Тысячу лет они здесь гнили и, если бы не герцог, гнили бы еще тысячу лет. Север. Дичь. И жителей, конечно, никого не видать. То ли удрали, то ли угнали их, то ли они попрятались.

На площади около фактории дымила полевая кухня, снятая с колес.

Здоровенный дикобраз – поперек себя шире – в грязном белом фартуке поверх грязной серой формы ворочал в котле черпаком на длинной ручке. По-моему, от этого котла главным образом и воняло по деревне. Мы подошли, и Гепард, задержавшись, спросил, где командир. Это животное даже не обернулось – буркнул что-то в свое варево и ткнул черпаком куда-то вдоль улицы. Поддал я ему носком сапога под крестец, он живо повернулся, увидел нашу форму и сразу встал как положено. Морда у него оказалась под стать окоркам, да еще небритая целую неделю, у дикобраза.

– Так где у вас тут командир? – снова спрашивает Гепард, упершись тросточкой ему в жирную шею под двойным подбородком.

Дикобраз выкатил глаза, пошлепал губами и просипел: – Виноват, господин старший наставник... Господин штаб-майор на позициях... Извольте вот по этой улице... прямо на окраине... Примите извинения, господин старший наставник...

Он еще что-то там сипел и булькал, а из-за угла фактории выволоклись два новых дикобраза – еще страшнее этого, совсем уже чучела огородные,

без оружия, без головных уборов – увидели нас и обомлели по стойке «смирно».

Гепард только посмотрел на них, вздохнул, да и зашагал дальше, постукивая тросточкой по голенищу.

Да, вовремя мы сюда подоспели. Эти дикобразы, они бы нам тут навоевали. Всего-то я только троих пока еще видел, но уже меня от них тошнит, и уже мне ясно, что такая вот, извините за выражение, воинская часть, из тыловой вши сколоченная, да еще наспех, да еще кое-как, все эти полковые пекари, бригадные сапожники, писаря, интенданты – ходячее удобрение, смазка для штыка. Имперские бронеходы прошли бы сквозь них и даже не заметили бы, что тут кто-то есть. Гуляючи.

Тут нас окликнули. Слева, между двумя домами, был натянут маскировочный тент и висела бело-зеленая тряпка на шесте. Медпункт. Еще двое дикобразов неторопливо копались в зеленых выюках с медикаментами, а на циновках, брошенных прямо на землю, лежали раненые. Всего раненых было трое; один с забинтованной головой, приподнявшись на локте, смотрел на нас. Когда мы обернулись, он снова позвал: – Господин наставник! На минуточку, прошу вас!...

Мы подошли. Гепард опустился на корточки, а я остался стоять за его спиной. На раненом не было видно никаких знаков различия, был он в драном, обгоревшем маскировочном комбинезоне, расстегнутом на голой волосатой груди, но по лицу его, по бешеным глазам с опаленными ресницами я сразу понял, что это-то не дикобраз, ребята, нет, этот – из настоящих. И точно.

– Бригад-егерь барон Трэгг, – представился он. Будто гусеницы лязгнули. – Командир отдельного восемнадцатого отряда лесных егерей.

– Старший наставник Дигга, – сказал Гепард. – Слушаю тебя, брат-храбрец.

– Сигарету... – попросил барон каким-то сразу севшим голосом.

Пока Гепард доставал портсигар, он торопливо продолжал: – Попал под огнем, опалило, как свинью... Слава богу, болото рядом, забрался по самые брови... Но сигареты – в кашу... Спасибо...

Он затаился, прикрыв глаза, и сейчас же надсадно закашлялся, весь посинел, задергался, из-под повязки на щеку выползла капля крови и застыла. Как смола. Гепард, не оборачиваясь протянул ко мне через плечо руку и щелкнул пальцами. Я сорвал с пояса флягу, подал. Барон сделал несколько глотков, и ему вроде бы полегчало. Двое других раненых лежали неподвижно – то ли они спали, то ли уже отошли. Санитары глядели на нас боязливо. Не глядели даже, а так, поглядывали.

– Славно... – произнес барон Трэгг, возвращая флягу. – Сколько у тебя людей?

– Четыре десятка, – ответил Гепард. – Флягу оставь... Оставь себе.

– Сорок... Сорок Бойцовых Котов...

– Котят, – сказал Гепард. – К сожалению... Но мы сделаем все, что сумеем.

Барон смотрел на него из-под сгоревших бровей. В глазах у него была мука.

– Слушай, брат-храбрец, – сказал он. – У меня никого не осталось. Я отступаю от самого перевала, трое суток. Непрерывные бои. Крысоеды прут на бронеходах. Я сжег штук двадцать. Последние два – вчера... здесь, у самой околицы... Увидишь. Этот штаб-майор... дурак и трус... старая рухлядь... Я его застрелить хотел, но ведь ни одного патрона не осталось.

Представляешь? Ни одного патрона! Прятался в деревне со своими дикобразами и смотрел, как нас выжигают одного за другим... О чем это я? Где бригада Гагрида? Рация вдребезги... Последнее: «Держись, бригада Гагрида на подходе...» Слушай, сигарету... И сообщи в штаб, что восемнадцатого отдельного больше нет.

Он уже бредил. Бешеные глаза его затянулись мутью, язык едва ворочался. Он повалился на спину и все говорил, говорил, бормотал, хрипел, а скрюченные пальцы его беспокойно шарили вокруг, вцепляясь то в края циновки, то в комбинезон. Потом он вдруг затих на полуслове, и Гепард поднялся. Он медленно вытащил сигарету, не сводя глаз с запрокинутого лица, щелкнул зажигалкой, потом наклонился и положил портсигар вместе с зажигалкой рядом с черными пальцами, и пальцы жадно вцепились в портсигар и сжали его, а Гепард, не говоря ни слова, повернулся, и мы двинулись дальше.

Я подумал, что это, пожалуй, милосердно – бригад-егерь потерял сознание как раз вовремя. А то пришлось бы услышать ему, что бригады Гагрида тоже уже нет. Накрыли ее этой ночью на рокаде бомбовым ковром – два часа мы расчищали шоссе от обломков машин, отгоняя сумасшедших, лезущих под грузовики, чтобы спрятаться. От самого Гагрида мы нашли только генеральскую фуражку, заскорузлую от крови... Меня холодом продрало, когда я все это вспомнил, и я невольно взглянул на небо и порадовался, какое оно низкое, серое и беспросветное.

Первое, что мы увидели, выйдя за околицу, был имперский бронеход, съехавший с дороги и завалившийся носом в деревенский колодец. Он уже остыл, трава вокруг него была покрыта жирной копотью, под распахнутым бортовым люком валялсядохлый крысоед – все на нем сгорело, остались

только рыжие ботинки на тройной подошве. Хорошие у крысоедов ботинки. У них ботинки хорошие, бронеходы, да еще, пожалуй, бомбардировщики. А солдаты они, как всем известно, никуда не годные. Шакалы.

– Как тебе нравится эта позиция, Гаг? – спросил Гепард.

Я огляделся. Ну и позиция! Я прямо глазам своим не поверил. Дикобразы отрыли себе окопы по обе стороны от дороги, посередине поляны между околицей и джунглями. Джунгли стеной стояли перед окопами шагах ну в пятидесяти, никак не дальше. Можешь там накопить полк, можешь – бригаду, что хочешь, в окопах об этом не узнают, а когда узнают, то сделать уже все равно ничего не смогут. Окопы на левом фланге имели позади себя трясину.

Окопы на правом фланге имели позади себя ровное поле, на котором раньше было что-то посеяно, а теперь все сгорело. Да-а-а...

– Не нравится мне эта позиция, – сказал я.

– Мне тоже, – сказал Гепард.

Еще бы! Здесь ведь была не только эта позиция. Здесь вдобавок еще были дикобразы. Было их тут штук сто, не меньше, и они бродили по этой своей позиции, как по базару. Одни, значит, собравшись кружками, палили костры. Другие просто стояли, засунув руки в рукава. А третьи бродили.

Возле окопов валялись винтовки, торчали пулеметы, бессмысленно задрав хоботы в низкое небо. Посередине дороги, увязнув в грязи по ступицы, ни к селу ни к городу пребывал ракетомет. На лафете сидел пожилой дикобраз – то ли часовой, то ли просто так присел, устав бродить. Впрочем, вреда от него не было: сидел себе и ковырял щечкой в ухе.

Кисло мне стало от всего этого. Эх, будь моя воля – полоснул бы я по всему этому базару из пулемета... Я с надеждой посмотрел на Гепарда, но Гепард молчал и только водил своим горбатым носом слева направо и справа налево.

Позади раздались рассерженные голоса, и я оглянулся. Под лестницей крайнего дома ссорились два дикобраза. Не поделили они между собой деревянное корыто – каждый тянул к себе, каждый изрыгал черную брань, и вот по этим я бы полоснул с особенным удовольствием. Гепард сказал мне:

– Приведи.

Я мигом подскочил к этим охламонам, стволом автомата дал по рукам одному, дал другому, и когда они устались на меня, выронивши свое корыто, мотнул им головой в сторону Гепарда. Не пикнули даже. Их обоих сразу потом прошибло, как в бане. Утираясь на ходу рукавами, они трусцой

подбежали к Гепарду и застыли в двух шагах перед ним.

Гепард неторопливо поднял трость, примерился, словно в бильярд играл, и врезал – прямо по мордам, одному раз и другому раз, а потом посмотрел на них, на скотов, и только сказал: – Командира ко мне. Быстро.

Нет, ребята. Все-таки Гепард явно не ожидал, что здесь будет до такой степени плохо. Конечно, хорошего ждать не приходилось. Уж если Бойцовых Котов бросают затыкать прорыв, то всякому ясно: дело дрянь. Но такое!... У Гепарда даже кончик носа побелел.

Наконец появился ихний командир. Выбралась из-за домов, застегивая на ходу китель, длинная заспанная жердь в серых бакенбардах. Лет ему пятьдесят, не меньше. Нос красный, весь в прожилках, захватанное пальцами пенсне, как носили штабные в ту войну, на длинном подбородке – мокрые крошки жевательного табака. Представился он нам штаб-майором и попытался перейти с Гепардом на «ты». Куда там! Гепард такого морозу на него напустил, что он как-то даже ростом приуменьшился: сначала был на полголовы длиннее, а через минуту смотрю – змеиное молоко! – он уже снизу вверх на Гепарда смотрит, седенький такой старикашка среднего росточка.

В общем, выяснилось такое дело. Где противник и сколько его, штаб-майору неизвестно; задачей своей имеет штаб-майор удержать деревню до подхода подкреплений; боевая сила его состоит из ста шестнадцати солдат при восьми пулеметах и двух ракетометах; почти все солдаты – ограниченно годные, а после вчерашнего марш-броска двадцать семь из них лежат вон в тех домах кто с потертостями, кто с грыжей, кто с чем...

– Послушайте, – сказал вдруг Гепард. – Что это у вас там делается?

Штаб-майор оборвал себя на середине фразы и посмотрел, куда указывала полированная тросточка. Ну и глазищи все-таки у нашего Гепарда! Только сейчас я заметил: в самом большом кружке около одного из костров среди серых курток наших дикобразов гнусно маячат полосатые комбинезоны имперской бронепехоты. Змеиное молоко! Раз, два, три... Четыре крысоеда у нашего костра, и эти свиньи с ними чуть ли не в обнимку. Курят. И еще гогочут чего-то...

– Это? – произнес штаб-майор и кроличьими своими глазами посмотрел на Гепарда. – Вы о пленных, господин старший наставник?

Гепард не ответил. Штаб-дикобраз снова нацепил пенсне и пустился в объяснения. Это, видите ли, пленные, но к нам они, видите ли, никакого отношения не имеют. Захвачены во вчерашнем бою егерями. Не имея средств транспорта, а также за недостатком личного состава для надлежащей охраны...

– Гаг, – произнес Гепард. – Отведи их и сдай Клещу. Только сначала пусть допросит...

Я щелкнул затвором и пошел к костру.

Дикобразы заметили меня еще издали, разом замолчали и принялись потихоньку расползаться кто куда. А у некоторых, видно, ноги отнялись со страху: как сидели, так и сидят, выпучив глаза. А полосатые – так те аж серые сделались, знают нашу эмблему, крысоеды, наслышаны!

Я приказал им встать. Они встали. Нехотя. Я приказал им построиться.

Построились, деваться некуда. Белобрысый принялся было что-то лопотать по-нашему – я ткнул ему стволом между ребер, и он замолчал. Так они у меня и пошли – гуськом, понурившись, заложив руки за спину. Крысы. И запах-то от них какой-то крысиный... Двое – крепкие мужики, плечистые, а двое, видно, из последнего набора, хлипкие сопляки, чуть, может, постарше меня.

– Бегом марш! – гаркнул я по-ихнему.

Побежали. Медленно бегут, плохо. Белобрысый этот хромает. Тяжело раненный, значит, ногу в бане подвернул. Ничего, дохромаешь.

Добежали мы до того края деревни, а там и грузовики – ребята увидели нас, заорали, засвистели. Я выбрал лужу побольше, положил пленных в грязь и пошел к переднему грузовику, где Клещ. А Клещ уже мне навстречу выскакивает – морда веселая, усики под носом торчком, в зубах костяной мундштук по моде старшего курса.

– Ну, что скажешь, брат-смертник? – говорит он мне.

Я ему докладываю: так, мол, и так, такое, мол, положение, а пленных обязательно сначала допросить. И уже от себя: – Про меня не забудь, Клещ,

– говорю. – Все-таки я их сюда привел...

А он на меня посмотрел, и у меня сердце сразу упало.

– Котенок... – говорит. – Ты здесь развлекаться будешь, а Гепард там один? А ну, бери три двойки и дуй к Гепарду! Быстро!

Делать было нечего. Не судьба, значит, не повезло. Посмотрел я на моих полосатиков в последний раз, закинул автомат за плечо, да и гаркнул что было силы: – Пер-рвая, вторая, третья двойки – ко мне!

Котята горохом посыпались с грузовика: Заяц с Петухом, Носатый с Крокодилом, Снайпер с этим... как его... не привык я еще к нему, его только-только из Пигганской школы к нам перевели – убил он там кого-то не того, вот его и к нам.

Я уж давно заметил, да никому не говорю: шлепнет Кот под горячую руку какого-нибудь штатского, сейчас – приказ по части. Такого-то и такого-то по кличке такой-то за совершение уголовного преступления расстрелять. И ведь ведут на плац, поставят перед строем лучших друзей, дадут по нему залп, тело в грузовик забросят на предмет бесчестного захоронения, а потом слышишь – видели его ребята либо на операции, либо в другой части... И правильно, по-моему.

Ну, скомандовал я «бегом», и поскакали мы обратно к Гепарду. А Гепард там времени зря не теряет. Смотрю – навстречу нам жердина эта, штаб-майор, рысью пылит, а за ним колонна, штук пятьдесят дикобразов с лопатами и киркомотыгами, бухают сапожищами, потные, только пар от них идет. Это, значит, погнал их Гепард новую позицию копать, настоящую, для нас. Под домом напротив медчасти, смотрю, лопаты уже мелькают, и стоит ракетомет, и вообще движение в деревне, как на главном проспекте в день тезоименитства – дикобразы так и мельтешат, и ни одного не видно, чтобы был с пустыми руками: либо с оружием, но таких мало, а большинство волочат на себе ящики с боеприпасами и станки для пулеметов.

Гепард увидел нас – выразил удовольствие. Двойки Зайца и Снайпера с ходу послал в джунгли в передовой дозор, Носатого с Крокодилом оставил при себе для связи, а мне сказал: – Гаг. Ты – лучший в отряде ракетометчик, и я на тебя надеюсь. Видишь этих тараканов? Бери их себе. Установишь ракетомет на той окраине, выбери позицию примерно там, где сейчас грузовики. Хорошенько замаскируйся, откроешь огонь, когда я зажгу деревню. Действуй, Кот.

Когда я все это услышал, я не то что поскакал, я прямо-таки полетел к своим тараканам. Эти тараканы мои вместе с ракетометом увязли в грязном ухабе посередине дороги и намеревались, видно, всю войну там

провозиться.

Ну, я одному по уху, другому пинком, третьего прикладом между лопаток, заорал так, что у самого в ушах зазвенело, – заработали мои тараканы по-настоящему, почти как люди. Ракетомет из ухаба почти на руках вынесли и – марш-марш – покатали по дороге, только колеса завизжали, только грязь полетела, и – в другой ухаб. Тут уж пришлось и мне впрячься. Нет, ребята, дикобразов тоже можно заставить работать, нужно только знать – как.

Значит, положение у меня было такое. Позицию я уже выбрал – вспомнились мне неподалеку от грузовиков густые такие рыжие кустики и плоская низинка за ними, где можно было легко врыться в землю так, что ни один дьявол со стороны джунглей не увидит. А я оттуда все буду видеть: и дорогу до самых джунглей, и всю деревенскую окраину, если попрут прямо через дома, и болото слева, если бронепехота оттуда сунется... И подумал я еще, что надо бы не забыть попросить у Клеща несколько двоек для прикрытия с этой стороны. Ракет у меня в лотках двадцать штук, если только эти писаря по дороге сюда их не повыбрасывали для облегчения ноши... Ну, это мы сейчас посмотрим, а в любом случае, как только окопаемся, надо будет послать тараканов за пополнением. Страсть не люблю, когда в бою приходится экономить. Это уже тогда не бой, а я не знаю что... Времени хватит до сумерек, а когда они в сумерках попрут, вспыхнет эта дикая деревня, и будут они все у меня как на ладони – бей на выбор. Не пожалеешь, Гепард, что на меня понадеялся!...

Вот эту последнюю мысль я машинально додумал, уже лежа на спине, а в сером небе надо мной, как странные птицы, летели какие-то горящие клочья.

Ни выстрела, ни взрыва я не услышал, а сейчас и вообще ничего не слышал.

Оглох. Не знаю, сколько прошло времени, а потом я сел.

Из джунглей по четыре в ряд выползают бронеходы, плюют огнем и расходятся в боевой веер, а за ними выползает следующая четверка. Деревня горит. Над окопами дым, ни души не видно. Походная кухня рядом с факторией перевернута, варево из нее разлилось бурым месивом, идет пар. Ракетомет мой тоже перевернут, а тараканы лежат в кювете кучей друг на друге. Одним словом, занял я удобную позицию, змеиное молоко!

Тут накрыло нас второй очередью. Снесло меня в кювет, перевернуло через голову, полон рот глины, глаза забило землей. Только на ноги поднялся – третья очередь. И пошло, и пошло...

Ракетомет мы все-таки на колеса поставили, скатили в кювет, и один

бронеход я сжег. Тараканов стало уже двое, куда третий делся – неизвестно.

Потом – сразу, без перехода – я оказался на дороге. Впереди целая куча полосатиков – близко, совсем близко, рядом. На клинках у них кроваво отсвечивал огонь. Над ухом у меня оглушительно грохотал пулемет, в руке был нож, а у ног моих кто-то дергался, поддавая мне под коленки...

Потом я старательно, как на полигоне, наводил ракетомет в стальной щит, который надвигался на меня из дыма. Мне даже слышалась команда инструктора: «По бронепехоте... бронбойным...» И я никак не мог нажать на спуск, потому что в руке у меня опять был нож...

Потом вдруг наступила передышка. Были уже сумерки. Оказалось, что ракетомет мой цел, и я сам тоже цел, вокруг меня собралась целая куча дикобразов, человек десять. Все они курили, и кто-то сунул мне в руку флягу. Кто? Заяц? Не знаю... Помню, что на фоне пылающего дома шагах в тридцати чернела странная фигура: все сидели или лежали, а этот стоял, и было такое впечатление, будто он черный, но голый... Не было на нем одежды – ни шинели, ни куртки. Или не голый все-таки?... «Заяц, кто это там торчит?» – «Не знаю, я не Заяц». – «А где Заяц?» – «Не знаю, ты пей, пей...»

Потом мы копали, торопились изо всех сил. Это было уже какое-то другое место. Деревня была уже теперь не сбоку, а впереди. То есть деревни больше не было вообще – груды головешек, зато на дороге горели бронеходы.

Много. Несколько. Под ногами хлюпала болотная жижа... «Объявляю тебе благодарность, молодец, Кот...» – «Извините, Гепард, я что-то плохо соображаю. Где все наши? Почему только дикобразы?...» – «Все в порядке, Гаг, работай, работай, брат-храбрец, все целы, все восхищены тобой...»

...И вдруг из черно-алой мути прямо в лицо ливень жидкого огня. Все сразу вспыхивает – и трупы, и земля, и ракетомет. И кусты какие-то. И я.

Больно. Адская боль. Как барон Трэгг. Лужу мне, лужу! Тут ведь лужа была!

Они в ней лежали! Я их туда положил, змеиное молоко, а их в огонь надо было положить, в огонь! Нет лужи... Земля горела, земля дымилась, и кто-то вдруг с нечеловеческой силой вышиб ее у меня из-под ног...

Глава вторая

Возле койки Гага сидели двое. Один – сухопарый, с широкими костлявыми плечами, с большими костлявыми лапами. Он сидел, закинув ногу на ногу, обхватив колено мосластыми пальцами. Был на нем серый свитер со свободным воротом, узкие синие брюки непонятного покроя, не форменные, и красные с серым плетеные сандалии. Лицо было острое, загорелое с ласкающей сердце твердостью в чертах, светлые глаза с прищуром, седые волосы – беспорядочной, но в то же время какой-то аккуратной копной. Из угла в угол большого тонкогубого рта передвигалась соломинка.

Другой был добряк в белом халате. Лицо у него было румяное, молодое, без единой морщинки. Странное какое-то лицо. То есть не само лицо, а выражение. Как у святых на древних иконах. Он глядел на Гага из-под светлого чуба и улыбался как именинник. Очень был чем-то доволен. Он и заговорил первым.

– Как мы себя чувствуем? – осведомился он.

Гаг уперся ладонями в постель, согнул ноги в коленях и легко перенес зад в изголовье.

– Нормально... – сказал он с удивлением.

Ничего на нем не было, даже простыни. Он посмотрел на свои ноги, на знакомый шрам выше колена, потрогал грудь и сразу же нащупал пальцами то, чего раньше не было: два углубления под правым соском.

– Ого! – сказал он, не удержавшись.

– И еще одна в боку, – заметил добряк. – Выше, выше...

Гаг нащупал шрам в правом боку. Потом он быстро оглядел голые руки.

– Погодите... – пробормотал он. – Я же горел...

– Еще как! – вскричал румяный и руками показал – как. Получалось, что Гаг горел, как бочка с бензином.

Сухопарый в свитере молчал, разглядывая Гага, и было в его взгляде что-то такое, отчего Гаг подтянулся и произнес: – Благодарю вас, господин врач. Долго я был без памяти?

Румяный добряк почему-то перестал улыбаться.

– А что ты помнишь последнее? – спросил он почти вкрадчиво.

Гаг поморщился.

– Я подбил... Нет! Я горел. Огнемёт, наверное. И я побежал искать

воду... – Он замолчал и снова ощупал шрамы на груди. – В этот момент меня, наверное, подстрелили... – сказал он неуверенно. – Потом... – он замолчал и посмотрел на сухопарого. – Мы их задержали? Да?... Где я? В каком госпитале?

Однако сухопарый не ответил, и снова заговорил добряк. Как бы в затруднении он с силой погладил себя по круглым коленям.

– А ты сам как думаешь?

– Виноват... – сказал Гаг и спустил ноги с койки. – Неужели так много времени прошло? Полгода? Или год?... Скажите мне прямо, – потребовал он.

– Да что время... – сказал румяный. – Времени-то прошло всего пять суток.

– Сколько?

– Пять суток, – повторил румяный. – Верно? – спросил он, обращаясь к сухопарому.

Тот молча кивнул. Гаг улыбнулся снисходительно.

– Ну хорошо, – сказал он. – Ну ладно. Вам, врачам, виднее. В конце концов, какая разница... Я бы хотел только знать господин... – Он специально сделал паузу, глядя на сухопарого, но сухопарый никак не отреагировал. – Я бы хотел только знать положение на фронте и когда я смогу вернуться в строй...

Сухопарый молча передвигал соломинку из одного угла рта в другой.

– Я ведь могу надеяться снова попасть в свою группу... в столичную школу...

– Вряд ли, – сказал румяный.

Гаг только глянул на него и снова стал смотреть на сухопарого.

– Ведь я – Бойцовый Кот, – сказал он. – Третий курс... Имею благодарности. Имею одну личную благодарность его высочества...

Румяный замотал головой.

– Это несущественно, – сказал он. – Не в этом дело.

– Как это – не в этом дело? – сказал Гаг. – Я – Бойцовый Кот! Вы что, не знаете? Вот! – Он поднял правую руку и показал – опять-таки сухопарому – татуировку под мышкой. – Мне пожимал руку его высочество, лично! Его высочество пожаловал мне...

– Да нет, мы верим, верим, знаем! – замахал на него руками румяный, но Гаг оборвал его: – Господин врач, я разговариваю не с вами! Я обращаюсь к господину офицеру!

Тут румяный почему-то вдруг фыркнул, закрыл лицо ладонями и захохотал тонким противным смехом. Гаг ошеломленно смотрел на него, потом перевел взгляд на сухопарого. Тот наконец заговорил: – Не обращай внимания, Гаг. – Голос у него был глубокий, значительный, под стать лицу. – Однако ты действительно не представляешь своего положения. Мы не можем отправить тебя сейчас в столичную школу.

Скорее всего, ты вообще никогда больше не попадешь в школу Бойцовых Котов...

Гаг открыл и снова закрыл рот. Румяный перестал хихикать.

– Но я же чувствую себя... – прошептал Гаг. – Я совершенно здоров.

Или я калека? Скажите мне сразу, господин врач: я не калека?

– Нет-нет, – быстро сказал румяный. – Руки-ноги у тебя в полном порядке, а что касается психики... Кто такой был Ганг Гнук, ты помнишь?

– Так точно... Это был ученый. Утверждал множественность обитаемых миров... Имперские фанатики повесили его за ноги и расстреляли из арбалетов... – Гаг замялся. – Вот точной даты я не помню, виноват. Но это было до первого алайского восстания...

– Очень хорошо! – похвалил румяный. – А как относится к учению Ганга современная наука?

Гаг опять замялся.

– Не могу сказать точно... Причин отрицать нет. У нас в школе на занятиях практической астрономией прямо об этом не говорилось. Говорилось только, что Айгон... Да, правильно! На Айгоне есть атмосфера, открытая великим основоположником алайской науки Гриддом, так что там вполне может существовать жизнь...

Он перевел дух и с тревогой взглянул на сухопарого.

– Очень хорошо, – снова сказал румяный. – Ну, а как на других звездах?

– Что – на других звездах, прошу прощения?

– Вблизи других звезд может существовать жизнь?

Гага прошибла испарина.

– Н-нет... – произнес он. – Нет, поскольку там безвоздушное пространство. Не может.

– А если около какой-нибудь звезды есть планеты? – неумолимо налегал доктор.

– А! Тогда может, конечно. Если около звезды имеется планета с атмосферой, на ней вполне может быть жизнь.

Румяный с удовлетворением откинулся на спинку кресла и посмотрел на сухопарого. Тогда сухопарый вынул соломинку изо рта и поглядел Гагу прямо в душу.

– Ты ведь Бойцовый Кот, Гаг? – сказал он.

– Так точно! – Гаг приосанился.

– А Бойцовый Кот есть боевая единица сама в себе, – в голосе сухопарого зазвенел уставной металл, – способная справиться с любой мыслимой и немыслимой неожиданностью, так?

– И обратить ее, – подхватил Гаг, – к чести и славе его высочества герцога и его дома!

Сухопарый кивнул.

– Созвездие Жука знаешь?

– Так точно! Эклиптикальное созвездие из двенадцати ярких звезд, видимое в летнее время года. Первая Жука является...

– Стоп. Седьмую Жука знаешь?

– Так точно. Оранжевая звезда...

– ...около которой, – прервал его сухопарый, подняв мосластый палец, – имеется планетная система, неизвестная пока алайской астрономии. На одной из этих планет существует цивилизация разумных существ, значительно опередившая цивилизацию Гиганды. Ты на этой планете, Гаг.

Воцарилось молчание. Гаг, весь подобрившись, ждал продолжения. Сухопарый и врач пристально глядели на него. Молчание затягивалось.

Наконец Гаг не выдержал.

– Я понял, господин офицер, – доложил он. – Продолжайте пожалуйста.

Врач крикнул, а сухопарый мигнул несколько раз подряд.

– А, – сказал он спокойно. – Он решил что мы продолжаем испытание психики и теперь даем ему вводную, – пояснил он врачу. – Это не вводная, Гаг. Это на самом деле так и есть. Я работал на вашей планете, на Гиганде, в северных джунглях герцогства. Случайно я оказался около тебя во время боя. Ты лежал на земле и горел, к тому же ты был смертельно ранен. Я перенес тебя на свой звездолет... Это такой специальный аппарат для путешествия между звезд... И доставил сюда. Здесь мы тебя вылечили. Это

все не вводная, Гаг. Я не офицер и, конечно, не алаец. Я – землянин.

Гаг в задумчивости пригладил волосы.

– Предполагается, господин офицер, что я знаю ваш язык и условия жизни на этой планете. Или нет?

Снова наступило молчание. Потом сухопарый сказал, усмехнувшись: – Ты, кажется, вообразил себя на занятиях по диверсионно-разведывательной подготовке...

Гаг тоже позволил себе улыбнуться.

– Не совсем так, господин офицер.

– А как же?

– Я полагаю... Я надеюсь, что командование удостоивает меня пройти спецпроверку для того, чтобы принять новое, весьма ответственное назначение. Я горжусь, господин офицер. Приложу все усилия, чтобы оправдать...

– Послушай, – сказал вдруг румяный врач, поворачиваясь к сухопарому. – А может быть, так и оставить? Создать условия ничего не стоит. Ты ведь говоришь, что понадобится всего три-четыре месяца!

Сухопарый помотал головой и принялся что-то говорить румянному на непонятном языке. Гаг с нарочито рассеянным видом осматривался. Помещение было необычайное. Прямоугольная комната, гладкие кремовые стены, потолок расчерчен в шахматную клетку, причем каждая клетка светится изнутри красным, оранжевым, голубым, зеленым. Окон нет. Дверей тоже что-то незаметно. У изголовья постели в стене какие-то кнопки, над кнопками – длинные прозрачные окошечки, которые светятся ровным, очень чистым зеленым светом. Пол черный, матовый... и кресла, в которых сидят эти двое, словно бы растут из пола, а может быть, составляют с ним одно целое. Гаг незаметно погладил пол босой ступней. Прикосновение было приятное, словно к мягкому теплему животному...

– Ладно, – сказал наконец сухопарый. – Одевайся, Гаг. Я тебе кое-что покажу... Где его одежда?

Румяный, поколебавшись еще секунду, наклонился куда-то вбок и вытащил словно бы из стены плоский прозрачный пакет. Держа его в опущенной руке, он снова заговорил с сухопарым и говорил довольно долго, а сухопарый только все энергичнее крутил головой и в конце концов отобрал пакет у румяного и бросил его Гагу на колени.

– Одевайся, – приказал он снова.

Гаг осторожно осмотрел пакет со всех сторон. Пакет был из какого-то прозрачного материала, бархатистого на ощупь, а внутри было что-то очень чистое, мягкое, легкое, белое с голубым. И вдруг пакет сам собой распался,

рассыпался тающими в воздухе серебристыми искрами, и на постель упали, разворачиваясь, короткие голубые штаны, белая с голубым куртка и еще что-то.

Гаг с каменным лицом принялся одеваться. Румяный вдруг сказал громко: – Но, может быть, мне все-таки пойти с вами?

– Не надо, – сказал сухопарый.

Румяный всплеснул белыми мягкими руками.

– Ну что у тебя за манера, Корней! Что это за порывы интуиции! Ведь, казалось бы, все расписали, обо всем договорились...

– Как видишь, не обо всем.

Гаг натянул совершенно невесомые сандалии, удивительно ладно пришедшиеся по ногам. Он встал, сдвинул пятки и наклонил голову.

– Я готов, господин офицер.

Сухопарый оглядел его.

– Как, нравится тебе это? – спросил он.

Гаг дернул плечом.

– Конечно, я предпочел бы форму...

– Обойдешься без формы, – проворчал сухопарый, поднимаясь.

– Слушаюсь, – сказал Гаг.

– Поблагодари врача, – сказал сухопарый.

Гаг отчетливым движением повернулся к румяному с лицом святого, снова сдвинул пятки и снова наклонил голову.

– Позвольте поблагодарить вас, господин врач, – сказал он.

Тот вяло махнул рукой.

– Иди уж... Кот...

Сухопарый уже уходил, прямо в глухую стену.

– До свидания, господин врач, – сказал Гаг весело. – Надеюсь, здесь мы больше не увидимся, а услышите вы обо мне только хорошее.

– Ох, надеюсь... – откликнулся румяный с явным сомнением.

Но Гаг больше не стал с ним разговаривать. Он догнал сухопарого как раз в тот момент, когда в стене перед ними не распахнулась, а как-то просто вдруг появилась прямоугольная дверь, и они ступили в коридор, тоже кремовый, тоже пустой, тоже без окон и дверей и тоже непонятно как освещенный.

– Что ты сейчас рассчитываешь увидеть? – спросил сухопарый.

Он шагал широко, вымахивая голенастыми ногами, но ступни ставил с какой-то особой мягкостью, живо напомнившей Гагу неподражаемую походку Гепарда.

– Не могу знать, господин офицер, – ответил Гаг.

– Зови меня Корней, – сказал сухопарый.

– Понял, господин Корней.

– Просто – Корней...

– Так точно... Корней.

Коридор незаметно превратился в лестницу, которая вела вниз по плавной широкой спирали.

– Значит, ты не против того, чтобы оказаться на другой планете?

– Постараюсь справиться, Корней.

Они почти бежали вниз по ступенькам.

– Сейчас мы находимся в госпитале, – говорил Корней. – За его стенами ты увидишь много неожиданного, даже пугающего. Но учти, здесь ты в полной безопасности. Какие бы странные вещи ты не увидел, они не могут угрожать и не могут причинить вреда. Ты меня понимаешь?

– Да, Корней, – сказал Гаг и снова позволил себе улыбнуться.

– Постарайся сам разобраться, что к чему, – продолжал Корней. – Если-чегонибудь не понимаешь – обязательно спрашивай. Ответам можешь верить. Здесь не врут.

– Слушаюсь... – ответил Гаг с самым серьезным видом.

Тут бесконечная лестница кончилась, и они вылетели в обширный светлый зал с прозрачной передней стеной, за которой было полно зелени, желтел песок дорожек, поблескивали на солнце непонятные металлические конструкции. Несколько человек в ярких и, прямо скажем, легкомысленных нарядах беседовали о чем-то посреди зала. И голоса у них были под стать нарядам – развязные, громкие до неприличия. И вдруг они разом замолчали, как будто их кто-то выключил. Гаг обнаружил, что все они смотрят на него... Нет, не на него. На Корнея. Улыбки сползли с лиц, лица застывали, глаза опускались – и вот уже никто больше не смотрит в их сторону, а Корней знай себе вышагивает мимо них в полной тишине, словно ничего этого не заметив.

Он остановился перед прозрачной стеной и положил Гагу руку на плечо.

– Как тебе это нравится? – спросил он.

Огромные, во много обхватов, морщинистые стволы, клубы, облака, целые тучи ослепительной, пронзительной зелени над ними, желтые ровные дорожки, а вдоль них – темно-зеленый кустарник, непроницаемо густой, пестрящий яркими, неправдоподобно лиловыми цветами, и вдруг из пятнистой от солнца тени на песчаную площадку выступил поразительный, совершенно невозможный зверь, состоящий как бы только из ног и шеи, остановился, повернул маленькую голову и взглянул на Гага

огромными бархатистыми глазами.

– Колоссально... – прошептал Гаг. Голос у него сорвался. – Великолепно сделано!

– Зеброжираф, – непонятно и в то же время вроде бы и понятно пояснил Корней.

– Для человека опасен? – деловито осведомился Гаг.

– Я же тебе сказал: здесь нет ничего ни опасного, ни угрожающего...

– Я понимаю: здесь – нет. А там?

Корней покусал губу.

– Здесь – это и есть там, – сказал он.

Но Гаг уже не слышал его. Он потрясенно смотрел, как по песчаной дорожке мимо зеброжирафа, совсем рядом с ним, идет человек. Он увидел, как зеброжираф склонил бесконечную шею, будто пестрый шлагбаум опустился, а человек, не останавливаясь, потрепал животное по холке и пошел дальше, мимо сооружения из скрученного шипастого металла, мимо радужных перьев, повисших прямо в воздухе, поднялся по нескольким плоским ступенькам и сквозь прозрачную стену вошел в зал.

– Между прочим, это тоже инопланетянин, – сказал Корней вполголоса. – Его здесь вылечили, и скоро он вернется на свою планету.

Гаг сглотнул всухую, провожая выздоровевшего инопланетянина глазами.

У того были странные уши. То есть, строго говоря, ушей почти не было, а голый череп неприятно поражал обилием каких-то бугров и узловатых гребенчатых выступов. Гаг снова глотнул и посмотрел на зеброжирафа.

– Разве... – начал он и замолчал.

– Да?

– Прошу прощения, Корней... Я думал... это все... Ну, вот это все, за стеной...

– Нет, это не кино, – с оттенком нетерпения в голосе сказал Корней. – И не вольера. Это все на самом деле, и так здесь везде. Хочешь погладить его? – спросил он вдруг.

Гаг весь напрягся.

– Слушаюсь, – сказал он осипшим голосом.

– Да нет, если не хочешь – не надо. Просто ты должен понять...

Корней вдруг оборвал себя. Гаг поднял на него глаза. Корней смотрел поверх его головы в глубь зала, где снова уже раздавались голоса и смех, и лицо его неожиданно и странно изменилось. Новое выражение появилось на нем – смесь тоски, боли и ожидания. Гагу уже приходилось видеть такие

лица, но он не успел вспомнить, где и когда. Он обернулся.

На той стороне зала, у самой стены стояла женщина. Гаг даже не успел ее толком рассмотреть – через мгновение она исчезла. Но она была в красном, у нее были угольно-черные волосы и яркие, кажется синие, глаза на белом лице. Неподвижный язык красного пламени на кремовом фоне стены. И сразу – ничего. А Корней сказал спокойно: – Ну что ж, пошли...

Лицо у него было прежнее, как будто ничего не произошло. Они шли вдоль прозрачной стены, и Корней говорил: – Сейчас мы очутимся совсем в другом месте. Очутимся, понимаешь? Не перелетим, не переедем в другое место, а просто очутимся там, имей в виду...

Позади громко захохотали в несколько голосов. Гаг, вспыхнув, оглянулся. Нет, смеялись не над ним. На них вообще никто не смотрел.

– Заходи, – сказал Корней.

Это была круглая будка вроде телефонной, только стенки у нее были не прозрачные, а матовые. В будку вела дверь, и оттуда тянуло запахом, какой бывает после сильной грозы. Гаг несмело шагнул внутрь, Корней втиснулся следом, и дверной проем исчез.

– Я потом объясню тебе, как это делается, – говорил Корней. Он неторопливо нажимал клавиши на небольшом пульте, встроенном в стену. Такие пульты Гаг видел на арифметических машинах в бухгалтерии школы. – Вот я набираю шифр, – продолжал Корней. – Набрал... Видишь зеленый огонек? Это означает, что шифр имеет смысл, а финиш свободен. Теперь отправляемся...

Вот эта красная кнопка...

Корней нажал на красную кнопку. Чтобы не упасть, Гаг вцепился в его свитер. Пол словно исчез на мгновение, а потом появился снова, и за матовыми стенками вдруг стало светлее.

– Все, – сказал Корней. – Выходи.

Зала не было. Был широкий, ярко освещенный коридор. Пожилая женщина в блестящей, как ртуть, накидке посторонилась, давая им дорогу, сурово смерила взглядом Гага, глянула на Корнея – лицо ее вдруг дрогнуло, она торопливо нырнула в будку, и дверь за нею исчезла.

– Прямо, – сказал Корней.

Гаг пошел прямо. Только сделав несколько шагов, он тихонько перевел дух.

– Один миг – и мы в двадцати километрах, – сказал Корней у него за спиной.

– Потрясающе... – отозвался Гаг. – Я не знал, что мы умеем такие вещи...

– Ну, положим, вы еще не умеете... – возразил Корней. – Сюда, направо.

– Нет, я имел в виду – в принципе... Я понимаю, все засекречено, но для армии...

– Проходи, проходи. – Корней мягко подтолкнул его в спину.

– Для армии такая штука незаменима... Для армии, для разведки...

– Так, – произнес Корней. – Сейчас мы находимся в гостинице. Это мой номер. Я тут жил, пока тебя лечили.

Гаг осмотрелся. Комната была велика и совершенно пуста. Никаких следов мебели. Вместо передней стены – голубое небо, остальные стены разноцветные, пол белый, потолок, как и в госпитале, в разноцветную клетку.

– Давай побеседуем, – сказал Корней и сел.

Он должен был упасть своим сухопарым задом на этот белый пол. Но пол вспучился навстречу его падающему телу, как бы обтек его и превратился в кресло. Этого кресла только что не было. Оно просто мгновенно выросло.

Прямо из пола. Прямо на глазах. Корней закинул ногу на ногу, привычно обхватил мосластыми пальцами колено.

– Мы тут много спорили, Гаг, – проговорил он, – как с тобой быть. Что тебе рассказывать, что от тебя скрыть. Как сделать, чтобы ты, упаси бог, не свихнулся...

Гаг облизал пересохшие губы.

– Я...

– Предлагалось, например, оставить тебя на эти три-четыре месяца в бессознательном состоянии. Предлагалось загипнотизировать тебя. Много разной чепухи предлагалось. Я был против. И вот почему. Во-первых, я верю в тебя. Ты – сильный, тренированный мальчик, я видел тебя в бою и знаю, что ты можешь выдержать многое. Во-вторых, для всех будет лучше, если ты увидишь наш мир... Пусть даже только кусочек нашего мира. Ну, а в-третьих, я тебе честно скажу: ты мне можешь понадобиться.

Гаг молчал. Ноги у него одеревенели, заложенные за спину руки он стиснул изо всей силы, до боли. Корней вдруг подался вперед и сказал, словно заклиная: – Ничего страшного с тобой не произошло. Ничего страшного с тобой не случится. Ты в полной безопасности. Ты просто совершаешь путешествие, Гаг. Ты в гостях, понимаешь?

– Нет, – сказал Гаг хрипло.

Он повернулся и пошел прямо в голубое небо. Остановился. Глянул.

Стиснутые кулаки его побелели. Он сделал шаг назад, другой, третий и

пятился до тех пор, пока не уперся лопатками.

– Значит... я уже там? – сказал он хрипло.

– Значит, ты уже здесь, – сказал Корней.

– Какое же у меня задание?... – сказал Гаг.

Глава третья

Одним словом, ребята, влип я, как ни один еще Бойцовый Кот, наверное, до меня не влипал. Вот сижу я сейчас на роскошной лужайке по шею в мягкой травке-муравке. Вокруг меня – благодать, чистый курорт на озере Заггута, только самого озера нет. Деревья – никогда таких не видел: листья зеленые-зеленые, мягкие, шелковистые, а на ветвях висят здоровенные плоды – груши называются – объеденье, и ешь сколько влезет. Слева от меня роща, а прямо передо мной дом. Корней говорит, что сам его своими руками построил. Может быть, не знаю. Знаю только, что когда меня назначали в караул у охотничьего домика его высочества, так там тоже был дом – роскошный дом, и строили его большие головы, но куда ему до этого. Перед домом бассейн, вода чистая, как увидишь – пить хочется, купаться страшно.

А вокруг – степь. Там я еще не был. И пока неохота. Не до степи мне сейчас. Мне бы сейчас понять, на каком языке я думаю, змеиное молоко! Ведь сроду я никаких языков, кроме родного алайского, не знал. Военный разговорник – это, натурально, не в счет: всякие там «руки вверх», «ложись», «кто командир» и прочее. А теперь вот никак не могу понять, какой же язык мне родной – этот самый ихний русский или алайский. Корней говорит, что этот русский в количестве двадцати пяти тысяч слов и разных там идиом в меня запихнули за одну ночь, пока я спал после операции. Не знаю. Идиома... Как это по алайски-то будет? Не знаю.

Нет, я ведь сначала что подумал? Спецлаборатория. Такие у нас есть, я знаю. Корней – офицер нашей разведки. И готовят они меня для какого-то особой важности задания. Может быть, интересы его высочества распространились на другой материк. А может быть, черт подери, и на другую планету. Почему бы и нет? Что я знаю?

Я даже, дурак, сначала думал, что вокруг все – декорация. А потом день здесь живу, другой – нет, ребята, не получается. Город этот – декорация? Синие эти громады, что на горизонте время от времени появляются, – декорация? А жратва? Показать ребятам эту жратву – не поверят, не бывает такой жратвы. Берешь тюбик, вроде бы с зубной пастой, выдавливаешь на тарелку, и на тебе – запузырилось, зашипело, и тут надо схватить другой тюбик, его давить, и ахнуть ты не успел, как на тарелке перед тобой – здоровенный ломоть поджаренного мяса, весь золотистый, дух от него... э, что там говорить. Это, ребята, не декорация. Это мясо.

Или, скажем, ночное небо: все созвездия перекошены. И луна. Тоже декорация?

Честно говоря, она-то на декорацию как раз очень похожа. Особенно когда высоко. Но на восходе – смотреть же страшно! Огромная, разбухшая, красная, лезет из-за деревьев... Который я уже здесь день, пятый, что ли, а до сих пор меня от этого зрелища просто в дрожь бросает.

Вот и получается, что дело дрянь. Могучие они здесь, могучие, простым глазом видно. И против них, против всей их мощи я здесь один. И ведь никто же у нас про них ничего не знает, вот что самое страшное. Ходят они по нашей Гиганде, как у себя дома, знают про нас все, а мы про них – ничего.

С чем они к нам пришли, что им у нас надо? Страшно... Как представишь себе всю ихнюю чертовщину – все эти мгновенные скачки на сотни километров без самолетов, без машин, без железных дорог... эти их здания выше облаков, невозможные, невероятные, как дурной сон... комнаты-самобранки, еда прямо из воздуха, врачи-чудодеи... А сегодня утром – приснилось мне, что ли? – Корней прямо из бассейна без ничего в одних плавках взмыл в небо, как птица, развернулся над садом и пропал за деревьями...

Я как это вспомнил, подрало меня до самых печенок. Вскочил, пробежался по лужайке, грушу сожрал, чтобы успокоиться. А ведь я здесь всего-то-навсего пятый день! Что я за пять дней мог здесь увидеть? Вот хоть эта лужайка. У меня окно прямо на нее выходит. И вот давеча просыпаюсь ночью от какого-то хриплого мяуканья. Кошки дерутся, что ли? Но уже знаю, что не кошки. Подкрался к окну, выглянул. Стоит. Прямо посреди лужайки. Что – не понимаю. Вроде треугольное, огромное, белое. Пока я глаза протирал, смотрю – тает в воздухе. Как приведение, честное слово.

Они у них так и называются: «призраки». Я наутро у Корнея спросил, а он говорит: это, говорит, наши звездолеты класса «призрак» для перелетов средней дальности, двадцать световых лет и ближе. Представляете? Двадцать световых лет – это у них средняя дальность! А до Гиганды, между прочим, всего восемнадцать...

Не-ет, от нас им только одно может понадобиться: рабы. Кто-то же у них здесь должен работать, кто-то же эту ихнюю благодать обеспечивает...

Вот Корней мне все твердит: учись, присматривайся, читай, через три-четыре месяца, мол, домой вернешься, начнешь строить новую жизнь, то, се, войне, говорит, через три-четыре месяца конец, мы, говорит, этой войной занялись и в самое ближайшее время с ней покончим. Тут-то я его и

поймал. Кто же, говорю, в этой войне победит? А никто не победит, отвечает. Будет мир, и все. Та-ак... Все понятно. Это, значит, чтобы мы материал зря не переводили. Чтобы все было тихо-мирно, без всяких там возмущений, восстаний, кровопролития. Вроде как пастухи не дают быкам драться и калечиться. Кто у нас им опасен – тех уберут, кто нужен – тех купят, и пойдут они набивать трюмы своих «призраков» алайцами и крысоедами вперемешку...

Корней вот, правда... Ничего не могу с собой поделаться: нравится он мне. Башкой понимаю, что иначе быть не может, что только такого человека они и могли ко мне приставить. Башкой понимаю, а ненавидеть его не могу.

Наваждение какое-то. Верю ему, как дурак. Слушаю его, уши развесив. А сам ведь знаю, что вот-вот начнет он мне внушать и доказывать, как ихний мир прекрасен, а наш – плох, и что наш мир надо бы переделать по образцу ихнего, и что я им в этом деле должен помочь, как парень умный, волевой, сильный, вполне пригодный для настоящей жизни...

Да чего там, он уже и начал понемногу. Ведь всех великих людей, на кого мы молимся, он уже обгадить успел. И фельдмаршала Брагга, и Одноглазого Лиса, великого шефа разведки, и про его высочество намекнул было, но тут я его, конечно, враз оборвал... Всем от него досталось. Даже имперцам – это, значит, чтобы показать, какие они здесь беспристрастные. И только про одного он говорил хорошо – про Гепарда. Похоже, он его знал лично. И ценил. В этом человеке, говорит, погиб великий педагог. Здесь, говорит, ему бы цены не было... Ладно.

Хотел я остановиться, но не сумел – стал думать о Гепарде. Эх, Гепард... Ну ладно, ребята погибли, Заяц, Носатый... Клещ с ракетой под мышкой под бронеход бросился... Пусть. На то нас родили на свет. А вот Гепард... Отца ведь я почти не помню, мать – ну что мать? А вот тебя я никогда не забуду. Я ведь слабый в школу пришел – голод, кошатину жрал, самого чуть не съели, отец с фронта пришел без рук, без ног, пользы от него никакой, все на водку променивал... А в казарме что? В казарме тоже не сахар, пайки сами знаете какие. И кто мне свои консервы отдавал? Стоишь ночью дневальным, жрать хочется – аж зубы скрипят; вдруг появится, как из-под земли, рапорт выслушает, буркнет что-то, сунет в руку ломоть хлеба с кониной – свой ведь ломоть, по тыловой норме – и нет его... А как в марш-броске он меня двадцать километров на загривке тащил, когда я от слабости свалился? Ребята ведь должны были тащить, и они бы и рады, да сами падали через каждые десять шагов. А по инструкции как? Не может идти – не может служить. Валяй домой, под вонючую лестницу, за кошками охотиться... Да, не забуду я тебя. Погиб ты, как нас учил

погибать, так и сам погиб. Ну, а раз уж я уцелел, значит, и жить я теперь должен, твоей памяти не посрамив. А как жить? Влип я, Гепард. Ох и влип же я! Где ты там сейчас? Вразуми, подскажи...

Ведь они здесь меня купить хотят. Перво-наперво спасли мне жизнь.

Вылечили, как новенького сделали, даже ни одного зуба дырявого не осталось – новые выросли, что ли? Дальше. Кормят на убой, знают, бродяги, как у нас со жратвой туго. Ласковые слова говорят, симпатичного человека приставили...

Тут он меня позвал: обедать пора.

Уселись мы за столом в гостиной, взяли эти самые тюбики, наvertели себе еды. Корней что-то странное соорудил – целый клубок прозрачных желтоватых нитей – что-то вроде дохлого болотного ежа, – все это залепил коричневым соусом, сверху лежат кусочки и ломтики то ли мяса, то ли рыбы, и пахнет... не знаю даже – чем, но крепко пахнет. Ел он почему-то палочками. Зажал две палочки между пальцами, тарелку к самому подбородку поднес и пошел кидать все это в рот. Кидает, а сам мне подмигивает. Хорошее у него, значит, настроение. Ну, а у меня от всех моих мыслей, да и от груш, наверное, аппетита почти не осталось. Сделал себе мяса. Вареного. Хотел тушеного, а получилось вареное. Ладно, есть можно, и на том спасибо.

- Хорошо я сегодня поработал, – сообщил Корней, уплетая своего ежа.
- А ты что подельывал?
- Да так. Ничего особенного. Купался. В траве сидел.
- В степь ходил?
- Нет.
- Зря. Я же тебе говорю: там для тебя много интересного.
- Я схожу. Потом.
- Корней доел ежа и снова взялся за тюбики.
- Придумал, где бы тебе хотелось побывать?

– Нет. То есть да.

– Ну?

Что бы мне ему такое-этакое соврать? Никуда мне сейчас не хотелось, мне бы здесь, с этим домом разобраться, и я ляпнул: – На Луне...

Он посмотрел на меня с удивлением.

– А за чем же дело стало? Нуль-кабина – в саду, справочник по шифрам я тебе дал... Набирай номер и отправляйся.

Нужна мне эта Луна...

– И отправлюсь, – сказал я. – Галоши вот только надену...

Сам не знаю, откуда присловка эта у меня взялась. Идиома, наверное, какая-нибудь. Засадил они мне ее в мозг, и теперь она время от времени у меня выскакивает.

– Что-что? – спросил Корней, приподняв брови.

Я промолчал. Теперь вот на Луну надо. Раз сказал, значит, придется. А чего я там не видел? Вообще-то, конечно, не мешает посмотреть... Подумал я, сколько мне еще здесь надо посмотреть, и в глазах потемнело. И ведь это только посмотреть! А надо еще запомнить, уложить в башке все это кирпичик к кирпичику, а в башке и так все перемешалось, будто я уже сто лет здесь болтаюсь, и все эти сто лет днем и ночью мне показывают какое-то сумасшедшее кино без начала и конца. Он ведь ничего от меня не скрывает. Нуль-транспортировка? Пожалуйста! Объясняет про нуль-транспортировку. И вроде бы понятно объясняет, модели показывает. Модели понимаю, а как работает нуль-кабина – нет, хоть кол на голове теши. Изгибание пространства, понял? Или, скажем, про эту пищу из тубиков. Три часа он мне объяснял, а что осталось в голове? Субмолекулярное сжатие. Ну, еще расширение. Субмолекулярное сжатие – это, конечно, хорошо и даже прекрасно. Химия. А вот откуда кусок жареного мяса берется?

– Ну, что загрузил? – спросил Корней, утираясь салфеткой. – Трудно?

– Башка болит, – сказал я со злостью.

Он хмыкнул и принялся прибирать со стола. Я, конечно, как положено, сунулся ему помогать, только тут у них и одному делать нечего. Всего и приборки-то: в середине стола лючок открыть и все туда спихнуть, а уж закрывать и не надо, само закроется.

– Пойдем кино посмотрим, – сказал он. – Один мой знакомый отличную ленту сделал. В старинном стиле, плоскую, черно-белую. Тебе понравится.

Короче, пришлось мне тут же сесть и смотреть это кино. Куролесица какая-то. Про любовь. Любят там друг друга двое аристократов, а родители

против. Есть там, конечно, пара мест, где дерутся, но все на мечях. Снято, правда, здорово, у нас так не умеют. Один там другого ткнул мечом, так уж без обману; лезвие из спины на три пальца вылезло и даже, вроде, дымится... Вот им еще, например, зачем рабы нужны. Замутило меня от этой мысли, еле я дотерпел до конца. Вдобавок курить хотелось дико. Корней, как и Гепард, курение не одобряет. Предложил даже излечить от этой привычки, да я не согласился: всего-то от меня изначально одно это, может быть, и осталось... В общем, попросил я разрешения пойти к себе. Почитать, говорю. Про Луну. Поверил. Отпустил.

И вошел я в свою комнату, будто домой вернулся. Я ее сразу, как приехал, для себя переоборудовал. Тоже, между прочим, намучился. Корней мне, конечно, все объяснил, но я, конечно, ничего толком не понял. Стою посреди комнаты и ору, как псих: «Стул! Хочу стул!». Только потом понемногу приспособился. Здесь, оказывается, орать не надо, а надо только тихонечко представить себе этот стул во всех подробностях. Вот я и представил. Даже кожаная обшивка на сиденье продрана, а потом аккуратно заштопана. Это когда Заяц, помню, после похода сразу сел, а потом встал и зацепился за обшивку крючком от кошки. Ну и все остальное я устроил как у Гепарда в его комнатухе: койка железная с зеленым шерстяным покрывалом, тумбочка, железный ящик для оружия, столик с лампой, два стула и шкаф для одежды. Дверь сделал, как у людей, стены – в два цвета, оранжевый и белый, цвета его высочества. Вместо прозрачной стены сделал одно окно. Под потолком лампу повесил с жестяным абажуром...

Конечно, все это декорация: ни жести, ни железа, ни дерева – ничего этого на самом деле здесь нет. И оружия у меня, конечно, никакого в железном ящике нет – лежит там один мой единственный автоматный патрон, который у меня в кармане куртки завалялся. И на тумбочке ничего нет. У Гепарда стояла фотография женщины с ребенком – рассказывали, что жены с дочерью, сам он об этом никогда не говорил. Я тоже хотел поставить фотографию. Гепарда. Каким я его в последний раз видел. Но ничего у меня из этого не вышло. Наверное, Корней правильно объяснил, что для этого надо быть художником или там скульптором.

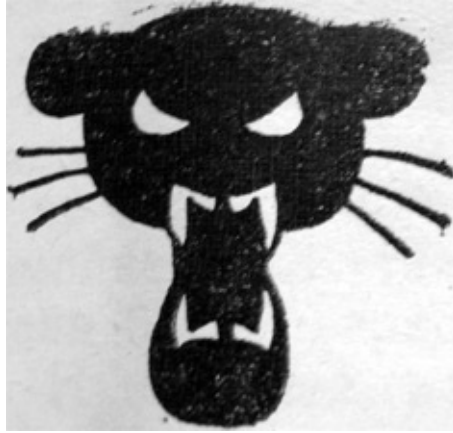
Но в общем мне моя конурка нравится. Я здесь отдыхаю душой, а то в других комнатах как в чистом поле, все насквозь простреливается. Правда, нравится она здесь только мне. Корней посмотрел, ничего не сказал, но, по моему, он остался недоволен. Да это еще полбеда. Хотите верьте, хотите нет, но эта моя комната сама себе не нравится. Или самому дому. Или, змеиное молоко, той невидимой силе, которая всем здесь управляет. Чуть

отвлечешься, глядь – стула нет. Или лампы под потолком. Или железный ящик в такую нишу превратится, в которой они свои микрокнижки держат.

Вот и сейчас. Смотрю – нет тумбочки. То есть тумбочка есть, но не моя тумбочка, не Гепарда, да и не тумбочка вовсе. Шут знает что – какое-то полупрозрачное сооружение. Слава богу, хоть сигареты в нем остались как были. Родимые мои, самодельные. Ну, сел я на свой любимый стул, закурил сигаретку и это самое сооружение изничтожил. Честно скажу – с удовольствием. А тумбочку вернул на место. И даже номер вспомнил: 0064. Не знаю уж, что этот номер значит.

Ну, сижу я, курю, смотрю на свою тумбочку. На душе стало поспокойнее, в комнате моей приятный полумрак, окно узкое, отстреливаться из него хорошо в случае чего. Было бы чем. И стал я думать: что бы это мне на тумбочку положить? Думал-думал и надумал. Снял я с шеи медальон, открыл крышечку и вынул портрет ее высочества. Обрастил я его рамкой, как сумел, пристроил посередине, закурил новую сигаретку, сижу и смотрю на прекрасное лицо Девы Тысячи Сердец. Все мы, Бойцовые Коты, до самой нашей смерти ее рыцари и защитники. Все, что есть в нас хорошего, принадлежит ей. Нежность наша, доброта наша, жалость наша – все это у нас от нее, для нее и во имя ее.

Сидел я так, сидел и вдруг спохватился: да в каком же это виде я перед ней нахожусь? Рубашка, штанишки, голоручка-голоножка... Тьфу! Я подскочил так, что даже стул упал, распахнул шкаф, сдернул с себя всю эту бело-синюю дрянь и натянул свое родимое – боевую маскировочную куртку и маскировочные штаны. Сандалии долой, на ноги – тяжелые рыжие сапоги с короткими голенищами. Подпоясался ремнем, аж дыхание сперло. Жалко, берета нет – видимо, совсем берет сгорел, в пыль, даже не сумели восстановить. А может, я его сам потерял в той суматохе... Погляделся я в зеркало. Вот это другое дело: не мальчишка сопливый, а Бойцовый Кот – пуговицы горят, черный зверь на эмблеме зубы скалит в вечной ярости, пряжка ремня точно на пупе, как влитая. Эх, берета нет!...

И тут я вдруг заметил, что ору я Марш Боевых Котят, ору во весь голос, до хрипа, и на глазах у меня слезы. Допел до конца, глаза вытер и начал сначала, уже вполголоса, просто для удовольствия, от самой первой строчки, от которой всегда сердце щемит: «Багровым заревом затянут горизонт», и до самой последней, развеселой: «Бойцовый Кот нигде не пропадет». Мы там еще один куплет сочинили сами, но такой куплет в трезвом виде, да еще имея перед глазами портрет Девы, исполнять никак не возможно.

Гепард, помню, Крокодила за уши при всех оттаскал за этот куплет...

Змеиное молоко! Опять! Опять эта лампа в какой-то дурацкий светильник превратилась. Ну что ты будешь с ней делать... Попробовал я этот светильник обратно в лампу превратить, а потом плюнул и изничтожил совсем.

Отчаяние меня взяло. Ну где мне с ними справиться, когда я с собственной комнатой справиться не могу! С домом этим проклятущим... Поднял я стул и снова уселся. Дом. Как хотите, ребята, а с домом этим все неладно.

Казалось бы, проще простого: стоит двухэтажный дом, рядом роща, вокруг на двадцать пять километров голая степь, как доска, в доме двое – я и Корней.

Все. Так вот, ребята, оказывается, не все.

Во-первых – голоса. Говорит кто-то, и не один, и не радио какое-нибудь. По всему дому голоса. И не то чтобы ночью – среди бела дня.

Кто говорит, с кем говорит, о чем говорит – ничего не понятно. Причем, заметьте, Корнея в доме в это время нет. Тоже, между прочим, вопрос: куда он девается... Хотя, кажется на этот вопрос я ответ нашел. Страху набрался, но нашел. А было так. Позавчера сижу я у окна и наблюдаю за нуль-кабиной. Она наискосок, в конце песчаной дорожки, шагах в пятидесяти.

Потом слышу – в глубине дома вроде бы хлопнула дверь, и сразу же – тишина, и чувствую я, что опять остался в доме один. Так, думаю, значит, он не через нуль-кабину уходит. И тут меня как обухом по голове ударило: дверь!

Где же это, кроме моей комнаты, в нашем доме двери, которые хлопать могут?

Выскочил я из комнаты, спустился на первый этаж. Сунулся туда, сюда – коридор какой-то, светлый, окно вдоль стены... Ну, это как всегда у них. И вдруг слышу – шаги. Не знаю, что меня остановило. Притаился, стою не дышу.

Коридор пустой, в дальнем конце дверь, обыкновенная, крашеная... Как я ее раньше не замечал – не понимаю. Как я коридора этого раньше не замечал – тоже не понимаю. Ну, это ладно. Главное – шаги. Несколько человек. Ближе, ближе, и вот – у меня даже сердце сжалось – прямо из стены на середине коридора выходят один за другим трое. Змеиное молоко! Имперские парашютисты, в полном боевом, в этих своих разрисованных комбинезонах, автомат под мышкой, топорик на заду... Я сразу лег. Один ведь, и ничего нет – голые руки. Оглянутся – пропал. Не оглянулись. Протопали в дальний конец коридора к той самой двери, и нет их. Дверь хлопнула, как от сквозняка, и все. Ну, ребята... Как дунул я обратно к себе в комнату – и только там опомнился...

До сих пор не понимаю, что бы это могло значить. То есть ясно теперь, как Корней из дома исчезает. Через эту самую дверь. Но вот откуда здесь крысоеды взялись, да еще в полном боевом... И что за дверь?

Бросил я окурок на пол, посмотрел, как пол его в себя втягивает, и поднялся. Страшновато, конечно, но надо же когда-нибудь начинать. А если начинать, то с этой двери. В саду на лужайке с грушей за щекой оно, конечно, приятнее... или, скажем, марши распевать, запершись в комнате...

Высунул я за дверь голову и прислушался. Тихо. Но Корней – у себя. Может, это даже и лучше. В случае чего заору благим матом – выручит. Спустился я в этот коридор, иду на цыпочках, даже руки расставил. До этой двери я целую вечность добирался. Пройду десять шагов, остановлюсь, послушаю – и дальше. Добрался. Дверь как дверь. Никелированная ручка. Приложил ухо – ничего не слышать. Нажал плечом. Не открывается. Взялся за ручку, потянул.

Опять не открывается. Интересно. Вытер я со лба пот, оглянулся. Никого.

Снова взялся за ручку, снова потянул, и тут стала дверь открываться. Со страху или от неожиданности я ее, проклятую, опять захлопнул. В

башке у меня пустота, и только одна мыслишка там прыгает, как горошина в бензобаке: не лезь, дурак, не суйся, тебя не трогают, и ты не трогай... И тут из меня и эту последнюю мыслишку вышибло.

Смотрю: прямо на стене сбоку от двери маленькими аккуратными буквами написано по-алайски «значит». То есть там вообще-то много чего было написано, всего в количестве шести строчек, но все остальное была математика, причем такая математика, что я в ней одни только плюсы и минусы разбирал. Так это выглядело: четыре строчки этой самой математики, потом слово «значит», подчеркнутое двумя чертами, а потом еще две строчки формул, обведенные жирной рамкой, на ней у него грифель раскрошился, у того, кто писал. Вот так так... В бедной голове моей, в пустом моем бензобаке, такая тут толкотня поднялась, что я и про дверь забыл. Выходит, я не один тут, есть еще алайцы? Кто? Где? Почему я вас не видел до сих пор? Зачем вы это написали? Знак подаете? Кому? Мне? Так я же математики не знаю... Или вы эту математику развели только для отвода глаз? Ничего не успел я в этот раз додумать, потому что услышал как меня зовет Корней. Я как полоумный сорвался с места и на цыпочках взлетел к себе. Кое-как бухнулся на стул, закурил и схватил какую-то книжку. Корней внизу гаркнул еще пару раз, а потом слышу – стучит в дверь.

Это у него, между прочим, правило: хоть он и в своем доме, но никогда не войдет без стука. Это мне нравится. Мы к Гепарду тоже всегда стучали.

Но сейчас-то мне было не до этого. «Войдите», – говорю и делаю на лице наивозможнейшую задумчивость, будто я так зачитался, что ничего не вижу и не слышу.

Он вошел, остановился на пороге, прислонился к косяку и смотрит. По лицу ничего не понять. Тут я сделал вид, что спохватился, и притушил окурок. Тогда он заговорил.

– Ну, как Луна? – спрашивает.

Я молчу. Сказать мне нечего. В таких вот случаях мне всегда кажется, что он костерить меня начнет, но этого никогда не бывает. Так вот и сейчас.

– Пойдем-ка, – говорит. – Я тебе кое-что покажу.

– Слушаюсь, – говорю. И на всякий случай спрашиваю: – Прикажете переодеться?

– А тебе в этом не жарко? – спрашивает он.

Я только усмехнулся. Не смог удержаться. Вот так вопросик!

– Ну, извини, – говорит он, словно мои мысли подслушал. – Пошли.

И повел он меня, куда раньше никогда не водил. Не-ет, ребята, я с этим домом никогда не разберусь. Я даже и не знал, что в этом доме такое есть.

В гостиной он ткнулся в стену рядом с книжной нишей – и открылась дверца, а за дверцей оказалась лестница вниз, в подпол. Оказывается, у этого дома еще целый этаж есть, под землей, такой же роскошный и освещен как бы дневным светом, но это не для жилья. У него там что-то вроде музея.

Огромная комната, и чего там только нет!

– Понимаешь, Гаг, – говорит он мне с каким-то странным выражением – с грустью, что ли? – Я ведь раньше работал космозоологом, исследовал жизнь на других планетах. Ах, какое это было чудесное время! Вот посмотри-ка! – Он схватил меня за руку и поволок в угол, где на черной лакированной подставке был растопырен какой-то странный скелет величиной с собаку. – Видишь, у него два позвоночника. Зверь с Нистагмы. Когда мы взяли первый экземпляр, то подумали сначала, что это какое-то уродство. Потом другой такой же, третий... Выяснилось, что на Нистагме обитает целый новый бранч животного мира – двуххордовые. Их нет больше нигде... Да и на Нистагме только один вид. Откуда он взялся? Почему?

И пошел, и пошел. Таскал он меня от скелета к скелету, руками размахивал, голос возвышал – я таким его еще не видывал. Здорово, наверное, он любил эту свою космозоологию. Или связаны были у него с ней какие-то особенные воспоминания.

Не знаю. Из того, что он мне говорил, я, конечно, мало что понял и мало что запомнил, да в общем и не особенно старался. Какое мне до всего этого дело? Забавно было только на него смотреть, а уж эти зверюги!... У него их, наверное, штук сто. Либо скелеты, либо целиком, словно бы вплавленные в такие здоровенные прозрачные глыбы (как я понимаю – для

особой сохранности), либо просто чучела, как в охотничьем домике у его высочества, а то – одни только головы или шкуры.

Вот во втором зале у него – мы как туда вошли, я даже попятился – вся стена справа завешана одной шкурой. Змеиное молоко! Длиной метров двадцать, в поперечнике метра три, а то и все четыре, аж на потолок краем залезает. И вся эта шкура покрыта не то пластинами, не то чешуей, и каждая чешуища – с хорошее блюдо, и каждая сияет чистейшим изумрудным светом с красными огоньками, так что вся зала от этой шкуры кажется будто зеленоватой. Я обалдел, глаз не могу оторвать от этого сияния. Это же надо, что на свете бывает! А головка маленькая, в мой кулак, и глаз не видно, а в рот палец не просунешь – как это оно питало свою тушу, непонятно...

Потом смотрю – в конце залы вроде бы еще одна дверь. В темное помещение. Подошли поближе – да, ребята, это, оказывается, не дверь. Это, оказывается, пасть раскрытая. Ей-богу, дверь. И даже не в комнату дверь, а, скажем, в гараж. Или, может быть, в ангар. Называется эта зверюга – тахорг, и добывают ее на планете Пандора. А Корней мимо нее рассеяно этак прошел, как будто это черепаха какая-нибудь или, например, лягушка. А голова ведь – с два вагона хороших, в пасти всю нашу школу разместить можно. Это какое же должно быть тулово при такой голове! И каково его добывать было! Из ракетомета, наверное...

Ну, чего там еще было? Ну, там всякие птицы, насекомые громадные...

Нога мне запомнилась. Стоит посередине зала нога. Тоже залитая в этот прозрачный материал. Ну, страшная нога, конечно. Выше меня ростом, узловатая, как старое дерево, когти – восемь штук, такие у дракона Гугу изображают, каждый коготь как сабля... Ладно. Замечательно что?

Оказывается, кроме такой вот ноги или, скажем, хвоста, ни в одном музее ничего от этого зверя нет. Обитает он на планете Яйла, и сколько лет за ним ни охотятся, а целиком добыть так и не сумели. Пули его не берут, газы его не берут, из любой ловушки он уходит, мертвыми их вообще никогда не видали, а добывают вот так – по частям. У них, оказывается, поврежденные части запросто отваливаются, некоторое время еще как бы живут – скребутся там или дергаются, – ну, потом, конечно, замирают... Да, нога. Я перед этой ногой стоял с раззявленной пастью, что твой тахорг. Велик все-таки создатель...

Ну, ходим мы вот так, ходим, Корней рассказывает, горячится, а мне уже все это малость надоело, и стал я снова думать о своем. Сначала об этой надписи в коридоре, как мне с ней быть и какие я из нее выводы должен сделать, а потом меня снова чего-то свернуло на Корнея. Почему

это, думаю, он один живет? Богатый ведь человек, самостоятельный. Где у него жена, где дети? Вообще-то какая-то женщина у него есть. Первый раз я ее еще в госпитале видел, они там через весь зал перемигивались. А потом она и сюда к нему приходила. То есть, как она приходила, я не видел, но вот как он ее провожал, до самой нуль-кабины довел – это у меня все на глазах было.

Только у него с нею настоящего счастья нет. Он ей: «Я жду тебя каждый день, каждый час, всегда». А она ему: «Ненавижу; мол, каждый день, каждый час...» – или что-то в этом роде. Видали? А чего тогда приходила спрашивается? Только расстроила человека до последней степени. Она в эту кабину – фр-р-р! – и как не было, а он стоит, бедняга, и на лице у него опять эта тоска с болью пополам, как тогда в госпитале, и я наконец вспомнил, у кого такие лица видел: у смертельно раненных, когда они кровью истекают... Нет, у него в личной жизни неудача, я уж на что посторонний человек – простым глазом вижу... Может, он потому и работает днем и ночью, чтобы отвлечься. И бзик этот зоологический у него из-за этого... Отпустит он меня когда-нибудь из этого подпола, или так и будем здесь всю жизнь ходить? Нет, не отпускает. Опять чего-то объяснять начал. Половину-то хоть мы осмотрели? Пожалуй, осмотрели...

Да-а, жило все это зверье, поживало за тысячи световых лет от этого места. Горя не знало, хотя имело, конечно, свои заботы и хлопоты. Пришли, сунули в мешок и – в этот музей. С научной целью. И мы вот тоже – живем, сражаемся, историю делаем, врагов ненавидим, себя не жалеем, а они смотрят на нас и уже готовят мешок. С научной целью. Или еще с какой-нибудь. Какая нам, в конце концов разница? И может быть, стоять нам всем в таких вот подвалах, а они будут около нас руками размахивать и спорить: почему мы такие, и откуда взялись, и зачем. И до того мне вдруг родными сделались все эти зверюги... Ну, не родными, конечно, а как бы это сказать... Вот говорят, во время наводнений или там, скажем, когда пожар в джунглях, хищники с травоядными спасаются плечо к плечу и становятся как бы даже друзьями, даже помогают друг другу, я слышал. Вот и у меня такое же появилось чувство. И как на грех именно в этот момент я увидел скелет.

Стоит в углу скромно, без особенной какой-нибудь подсветки, невелик росточком – пониже меня. Человек. Череп, руки, ноги. Что я, скелетов человеческих не видел? Ну, может, грудная клетка пошире, ручки такие маленькие, между пальчиками вроде бы перепонки, и ножки кривоватые. Все равно – человек.

Наверное, что-то с моим лицом тут сделалось, потому что Корней

вдруг остановился, посмотрел пристально на меня, потом на этот скелет, потом опять на меня.

– Ты что? – спрашивает. – Не понимаешь что-нибудь?

Я молчу, уставился на этот скелет, а на Корнея стараюсь не глядеть. Я ведь как ждал чего-нибудь такого. А Корней говорит спокойно: – Да-а, это тот самый знаменитый псевдохомо, тоже знаменитая загадка природы. Ты уже где-нибудь прочитал про него?

– Нет, – сказал я, а сам думаю: сейчас он мне все объяснит. Он очень хорошо мне все объяснит. Да вот стоит ли верить?

– Это удивительная история, – сказал Корней, – и в некотором роде трагическая. Понимаешь, эти существа должны были оказаться разумными. По всем законам, какие нам известны, должны. – Тут он развел руки. – Но – не оказались. Скелет – чепуха, я тебе потом фотографии покажу. Страшно! В прошлом веке научная группа на Тагоре открыла этих псевдохомо. Долго пытались вступить с ними в контакт, наблюдали их в естественных условиях, исследовали и пришли к выводу, что это животные. Звучало это парадоксом, но факт есть факт: животные. Соответственно с ними и обращались, как с животными: держали в зверинце, при необходимости забивали, анатомировали, препарировали, брали скелеты и черепа для коллекций. Как-никак, ситуация в научном смысле уникальная. Животное обязано быть человеком, но человеком не является. И вот еще несколько лет спустя на Тагоре обнаруживают мощнейшую цивилизацию. Совершенно непохожую ни на нашу земную, ни на вашу – невиданную, совершенно фантастической фактуры, но несомненную.

Представляешь какой это был ужас? Из первооткрывателей один сошел с ума, другой застрелился... И только еще через двадцать лет нашли! Оказалось: да, есть на планете разум. Но совершенно нечеловеческий. До такой степени не похож ни на нас, ни на вас, ни, скажем, на леонидян, что наука просто не могла даже предположить возможность такого феномена... Да... Это была трагедия. – Он вдруг как-то поскучнел и пошел из зала, словно забыл обо мне, но на пороге остановился и сказал, глядя на скелет в углу: – А сейчас есть гипотеза, что это вот – искусственные существа. Понимаешь, тагоряне их создали сами, смоделировали, что ли. Но для чего? Мы ведь так и не сумели найти с тагорянами общего языка... – Тут он посмотрел на меня, хлопнул по плечу и сказал: – Вот так-то, брат-храбрец. А ты говоришь – космозоология...

Не знаю уж, правду он мне рассказал или выдумал все, чтобы мозги мне окончательно замутить, но только охота размахивать руками и излагать мне про всякие загадки природы у него после этого пропала. Пошли мы из

музея вон. Он молчит, я тоже, в душе у меня какой-то курятник нечищенный, и таким манером пришли мы к нему в кабинет. Он уселся в свое кресло перед экранами, вынул из воздуха бокал со своей любимой шипучкой, стал тянуть через соломинку, а сам смотрит как бы сквозь меня. В кабинете у него, кроме этих экранов и ненормального количества книг, ничего в общем-то и нет. Даже стола у него нет, до сих пор не могу понять, что он делает, когда ему какую-нибудь бумагу надо, скажем, подписать. И нет у него в кабинете ни картин, ни фотографий, ни украшений каких-нибудь. А ведь он богатый человек, мог бы себе позволить. Я бы на его месте, если, скажем, наличности не хватает, шкуру бы эту изумрудную загнал, слуг бы нанял, статуи бы везде расставил, ковры бы навесил – знай наших... Правда, что с него взять – холостяк. А может быть, ему и по должности не положено роскошествовать. Что я о его должности знаю? Ничего. То-то он музей в подвале держит...

– Слушай, Гаг, – говорит он вдруг. – А ведь тебе, наверное, скучно здесь, а?

Застал он меня этим вопросом врасплох. Кто его знает, как тут надо отвечать. Да и вообще – откуда я знаю, скучно мне здесь или нет? Тоскливо – это да. Неуютно – да. Место себе не нахожу – да. А скучно?... Вот человеку в окопе под обстрелом – скучно? Ему, ребята, скучать некогда. И мне здесь скучать пока некогда.

– Никак нет, – говорю. – Я свое положение понимаю.

– Ну и как же ты его понимаешь?

– Всецело нахожусь в вашем распоряжении.

Он усмехнулся.

– В моем распоряжении... Ладно, не будем об этом. Я, как видишь, не могу уделять тебе все свое время. Да ты, по-моему, к этому и не стремишься особенно. Стараешься держаться от меня подальше...

– Никак нет, – возражаю я вежливо. – Никогда не забуду, что вы мой спаситель.

– Спаситель? Гм... До спасенья еще далеко. А вот не хочешь ли ты познакомиться с одним интересным субъектом?

У меня сердце екнуло.

– Как прикажете, – говорю.

Он подумал.

– Пожалуй, прикажу, – сказал он, поднимаясь. – Пожалуй, это будет полезно.

И с этими непонятными словами подошел он к дальней стене, что-то там сделал, и стена раскрылась. Я глянул и попятился. Что стены у них

здесь поминутно раскрываются и закрываются – к этому я уже привык, и это мне уже надоело. Но ведь я что думал? Думал, он меня с этим математиком хочет познакомить, а там – змеиное молоко! – стоит там, ребята, этакий долдон в два с половиной метра ростом, плечищи, ручищи, шеи нет совсем, а морда закрыта как бы забралом, частой такой матовой решеткой, а по сторонам туловища торчат то ли фары, то ли уши. Я честно скажу: не будь я в мундире, я бы удрал без памяти. Честно. Я бы и в мундире удрал, да ноги отнялись. А тут этот долдон вдобавок еще произносит густым басом: – Привет, Корней.

– Привет, Драмба, – говорит ему Корней. – Выходи.

Тот выходит. И опять – чего я ожидал? Что от его шагов весь дом затрясется. Чудище ведь, статуя! А он вышел, как по воздуху выплыл. Ни звука, ни шороха – только что стоял в нише, а теперь стоит посередине комнаты и эти свои уши-фары на меня навел. Я чувствую: за лопатками у меня стена, и отступать дальше некуда. А Корней смеется, бродяга, и говорит: – Да ты не трусь, не трусь, Бойцовый Кот! Это же робот! Машина!

Спасибо, думаю. Легче мне стало оттого, что это машина, как же.

– Таких мы теперь больше не делаем, – говорит Корней, поглаживая долдона по локтю и сдувая с него какие-то там пылинки. – А вот мой отец с такими хаживал и на Яйлу, и на Пандору. Помнишь Пандору, Драмба?

– Я все помню, Корней, – басит долдон.

– Ну вот, познакомьтесь, – говорит Корней. – Это – Гаг, парень из преисподней. На Земле новичок, ничего здесь не знает. Переходишь в его распоряжение.

– Жду ваших приказаний, Гаг, – басит долдон и как бы в знак приветствия поднимает широченную свою ладонь под самый потолок.

В общем, все кончилось благополучно. А глубокой ночью, когда дом спал, я прокрался в тот самый коридор и под математическими формулами написал: «Кто ты, друг?»

Глава четвертая

Когда они вышли к заброшенной дороге, солнце уже поднялось высоко над степью. Роса высохла, жесткая короткая трава шуршала и похрустывала под ногами. Мириады кузнечиков звенели вокруг, острый горький запах поднимался от нагретой земли.

Дорога была странная. Совершенно прямая, она выходила из-за мутно-синего горизонта, пересекала круг земли напополам и уходила снова за мутно-синий горизонт, туда, где круглые сутки, днем и ночью, что-то очень далекое и большое невнятно вспыхивало, мерцало, двигалось, вспучивалось и опадало. Дорога была широкая, она матово отсвечивала на солнце, и полотно ее как бы лежало поверх степи массивной, в несколько сантиметров толщиной, закругленной на краях полосой какого-то плотного, но не твердого материала. Гаг ступил на нее и, удивляясь неожиданной упругости, несколько раз легонько подпрыгнул на месте. Это, конечно, не был бетон, но это не был и прогретый солнцем асфальт. Что-то вроде очень плотной резины. От этой резины шла прохлада, а не душный зной раскаленного покрытия. И на поверхности дороги не было видно никаких следов, даже пыли не было на ней.

Гаг наклонился и провел рукой по гладкой, почти скользкой поверхности.

Посмотрел на ладонь. Ладонь осталась чистой.

– Она сильно усохла за последние восемьдесят лет, – прогудел Драмба.
– Когда я видел ее в последний раз, ее ширина была больше двадцати метров.

И тогда она еще двигалась.

Гаг соскочил на землю.

– Двигалась? Как двигалась?

– Это была самодвижущаяся дорога. Тогда было много таких дорог. Они опоясывали весь земной шар, и они текли – по краям медленнее, в центре очень быстро.

– У вас не было автомобилей? – спросил Гаг.

– Были. Я не могу вам сказать, почему люди увлеклись созданием таких дорог. Я имею только косвенную информацию. Это было связано с очищением среды. Самодвижущиеся дороги очищали. Они убирали из атмосферы, из воздуха, из земли все лишнее, все вредное.

– А почему она сейчас не движется? – спросил Гаг.

– Не знаю. Все очень изменилось. Раньше на этой дороге были толпы людей. Теперь никого нет. Раньше в этом небе в несколько горизонтов шли, шли потоками летательные аппараты. Теперь в небе пусто. Раньше по обе стороны от дороги стояла пшеница в мой рост. Теперь это степь.

Гаг слушал, приоткрыв рот.

– Раньше через мои рецепторы, – продолжал Драмба монотонным голосом, – ежесекундно проходили сотни радиоимпульсов. Теперь я не ощущаю ничего, кроме атмосферных разрядов. Сначала мне показалось даже, что я заболел. Но теперь я знаю: я прежний. Изменился мир.

– Может быть, мир заболел? – спросил Гаг живо.

– Не понимаю, – сказал Драмба.

Гаг отвернулся и стал смотреть туда, где горизонт вспыхивал и шевелился. «Черта с два, – угрюмо подумал он. – Как же, заболеют они!»

– А там что? – спросил он.

– Там Антонов, – ответил Драмба. – Это город. Восемьдесят лет назад его не было видно отсюда. Это был сельскохозяйственный город.

– А сейчас?

– Не знаю. Я все время вызываю информаторий, но мне никто не отвечает.

Гаг смотрел на загадочное мерцание, и вдруг из-за горизонта возникло что-то невероятно огромное, похожее на косой парус невообразимых размеров, почти такое же серо-голубое, как небо, может быть – чуть темнее, медленно и величественно описало дугу, словно стрелка часов прошла по циферблату, и снова скрылось, растворилось в туманной дымке. Гаг перевел дух.

– Видел? – спросил он шепотом.

– Видел, – сказал Драмба удрученно. – Не знаю, что это такое. Раньше такого не было.

Гаг зябко передернул плечами.

– Толку от тебя... – проворчал он. – Ладно, пошли домой.

– Вы хотели посетить ракетодром, – напомнил Драмба.

– Господин! – резко сказал Гаг.

– Не понимаю...

– Когда обращаешься ко мне, изволь добавлять «господин»!

– Понял, господин.

Некоторое время они шли молча. Кузнечики сухими брызгами разлетались из-под ног. Гаг искоса поглядывал на бесшумного колосса, который плавно покачивался рядом с ним. Он вдруг заметил, что около Драмбы, совсем как давеча около дороги, держится своя атмосфера –

свежести и прохлады. Да и сделан был Драмба из чего-то похожего: такой же плотно-упругий, и так же матово отсвечивали кисти его рук, торчащие из рукавов синего комбинезона.

И еще Гаг заметил, что Драмба все время держится так, чтобы быть между ним и солнцем.

– Ну-ка Расскажи еще раз про себя, – приказал Гаг.

Драмба повторил, что он – робот-андроид номер такой-то из экспериментальной серии экспедиционных роботов, сконструирован тогда-то (около ста лет назад – ничего себе старикашечка!), задействован тогда-то.

Работал в таких-то экспедициях, на Яйле претерпел серьезную аварию, был частично разрушен; реконструирован и модернизирован тогда-то, но больше в экспедициях не участвовал...

– В прошлый раз ты говорил, что пять лет простоял в музее, – прервал его Гаг.

– Шесть лет, господин. В музее истории открытий в Любеке.

– Ладно, – проворчал Гаг. – А потом восемьдесят лет ты торчал в этой нише у Корнея...

– Семьдесят девять лет, господин.

– Ладно-ладно, нечего меня поправлять... – Гаг помолчал. – Скучно, наверное, было стоять?

– Не понимаю вопроса, господин.

– Экая дубина... Впрочем, это никого не интересует. Ты мне лучше вот что скажи. Чем ты отличаешься от людей?

– Я всем отличаюсь от людей, господин. Химией, принципом схемы управления и контроля, назначением.

– Ну и какое у тебя, у дубины, назначение?

– Выполнять все приказания, которые я способен выполнить.

– Хе!... А у людей какое назначение?

– У людей нет назначения, господин.

– Долдон ты, парень! Деревня. Что бы ты понимал в настоящих людях?

– Не понимаю вопроса, господин.

– А я тебя ни о чем не спрашиваю пока.

Драмба промолчал.

Они шагали через степь, все больше уклоняясь от прямой дороги к дому, потому что Гагу стало вдруг интересно посмотреть, что за сооружение торчит на небольшом холме справа. Солнце было уже высоко, на степью дрожал раскаленный воздух, душный острый запах травы и

земли все усиливался.

– Значит, ты готов выполнить любое мое приказание? – спросил Гаг.

– Да, господин. Если это в моих силах.

– Ну, хорошо... А если я прикажу тебе одно, а... м-м-м... кто-нибудь еще – совсем противоположное? Тогда что?

– Не понял, кто отдает второе приказание.

– Ну... м-м-м... Да все равно кто.

– Это не все равно, господин.

– Ну, например, Корней...

– Я выполню приказ Корнея, господин.

Некоторое время Гаг молчал. Ах ты скотина, думал он. Дрянь этакая.

– А почему? – спросил он наконец.

– Корней старше, господин. Индекс социальной значимости у него гораздо выше.

– Что еще за индекс?

– На нем больше ответственности перед обществом.

– А ты откуда знаешь?

– Уровень информированности у него значительно выше.

– Ну и что же?

– Чем выше уровень информированности, тем больше ответственности.

«Ловко, – подумал Гаг. – Не придерешься. Все верно. Я здесь как дитя малое. Ну, мы еще посмотрим...»

– Да, Корней – великий человек, – сказал он. – Мне до него, конечно, далеко. Он все видит, все знает. Вот мы сейчас идем с тобой, болтаем, а он небось каждое наше слово слышит. Чуть что не так, он нам задаст...

Драмба молчал. Шут его знает, что происходило в его ушастой башке.

Морды, можно сказать, нет, глаз нет – ничего не понять. И голос все время одинаковый...

– Правильно я говорю?

– Нет, господин.

– Как так – нет? По-твоему, Корней может что-нибудь не знать?

– Да, господин. Он задает вопросы.

– Сейчас, что ли?

– Нет, господин. Сейчас у меня нет с ним связи.

– Что же он, по-твоему, не слышит, что ты сейчас говоришь? Или что я тебе говорю? Да он, если хочешь знать, даже наши мысли слышит! Не то что разговоры...

– Понял вас, господин.

Гаг посмотрел на Драмбу с ненавистью.

– Что ты понял, раздолбай?

– Понял, что Корней располагает аппаратурой для восприятия мыслей.

– Кто тебе сказал?

– Вы, господин.

Гаг остановился и плюнул в сердцах. Драмба тоже сейчас же остановился. Эх, садануть бы ему промеж ушей, да ведь не достанешь. Это надо же, какая дубина! Или притворяется? Спокойнее, Кот, спокойнее!

Хладнокровие и выдержка.

– А до меня ты этого не знал, что ли?

– Нет, господин. Я ничего не знал о существовании такой аппаратуры.

– Так ты что же, дикобраз, хочешь сказать – что такой великий человек, как Корней, не видит нас сейчас и не слышит?

– Прошу уточнить: аппаратура для восприятия мыслей существует?

– Откуда я знаю? Да и не нужно аппаратуры! Ты ведь умеешь передавать изображение, звук...

– Да, господин.

– Передаешь?

– Нет, господин.

– Почему?

– Не имею приказа, господин.

– Хе... Приказ не имеешь, – проворчал Гаг. – Ну, чего встал? Пошли!

Некоторое время они шли молча. Потом Гаг сказал: – Слушай, ты! Кто такой Корней?

– Не понимаю вопроса, господин.

– Ну... какая у него должность? Чем он занимается?

– Не знаю, господин.

Гаг снова остановился.

– То есть как это не знаешь?

– Не имею информации.

– Он же твой хозяин! Ты не знаешь, кто твой хозяин?

– Знаю.

– Кто?

– Корней.

Гаг стиснул зубы.

– Странно как-то у тебя получается, Драмба, дружок, – сказал он вкрадчиво. – Корней – твой хозяин, ты у него восемьдесят лет в доме и ничего о нем не знаешь?

– Не так, господин. Мой первый хозяин – Ян, отец Корнея. Ян передал

меня Корнею. Это было тридцать лет назад, когда Ян удалился, а Корней выстроил дом на месте лагеря Яна. С тех пор Корней мой хозяин, но я с ним никогда не работал и потому не знаю чем он занимается.

– Угу... – произнес Гаг и двинулся дальше. – Значит, ты про него вообще ничего не знаешь?

– Это не так. Я знаю про него очень много.

– Рассказывай, – потребовал Гаг.

– Корней Янович. Рост – сто девяносто два сантиметра, вес по косвенным данным – около девяноста килограммов, возраст по косвенным данным – около шестидесяти лет, индекс социальной значимости по косвенным данным – около ноль девять...

– Подожди, – ошеломленно сказал Гаг. – Заткнись на минутку. Ты о деле говори, что ты мне бубнишь?

– Не понял приказа, господин, – немедленно откликнулся Драмба.

– Н-ну... например, женат или нет, какое образование... дети...

Понял?

– Сведений о жене Корнея не имею. Об образовании – тоже. – Робот сделал паузу. – Имею информацию о сыне: Андрей, около двадцати пяти лет.

– О жене ничего не знаешь, а о сыне знаешь?

– Да, господин. Одиннадцать лет назад получил приказ перейти в распоряжение подростка, по косвенным сведениям четырнадцати лет, которого Корней назвал «сын» и «Андрей». Находился в его распоряжении четыре часа.

– А потом?

– Не понял вопроса, господин.

– Потом ты его видел когда-нибудь?

– Нет, господин.

– Поня-атно, – задумчиво произнес Гаг. – Ну и чем вы с ним занимались эти четыре часа?

– Мы разговаривали. Андрей расспрашивал меня о Корнее.

Гаг споткнулся.

– Что ты ему сказал?

– Все что знал: рост, вес. Потом он меня прервал. Потребовал, чтобы я ему рассказал о работе Яна на других планетах.

Да-а. Такие, значит, дела... Ну, это нас не касается. Но какова дубина! Уж о доме его и спрашивать нечего, совершенно ясно, что ничего не знает. Все планы мои разрушил, бродяга... Зачем все-таки Корней мне его подсунул? Неужели я ошибаюсь? Вот дьявол, как же мне его проверить?

Мне ведь шагу нельзя будет ступить, если я его не проверю!

– Напоминаю, – подал голос Драмба, – что вы намеревались отправиться домой.

– Ну, намеревался. А в чем дело?

– Мы все больше отклоняемся от оптимального курса, господин.

– Тебя не спросили, – сказал Гаг. – Я хочу посмотреть, что это там за штука на холме...

– Это обелиск, господин. Памятник над братской могилой.

– Кому? – с живостью спросил Гаг.

– Героям последней войны. Сто лет назад археологи обнаружили в этом холме братскую могилу.

Посмотрим, подумал Гаг и ускорил шаги. Дерзкая и даже страшная мысль пришла ему в голову. Рискованно, подумал он. Ох, сорвут мне башку! А за что? Откуда мне знать, что к чему? Я здесь человек новый, ничего этого не понимаю и не знаю... Да и не выйдет, наверное, ничего. Но уж если выйдет... Если выйдет – тогда верняк. Ладно, попробуем.

Холм был невысокий, метров двадцать – двадцать пять, и еще на столько же возвышалась над ним гранитная плита, отполированная до глади с одной стороны и грубо стесанная со всех остальных. На полированной поверхности вырезана была надпись – старинными буквами, которых Гаг не знал. Гаг обошел обелиск и вернулся в тень. Сел.

– Рядовой Драмба! – сказал он негромко.

Робот повернул к нему ушастую голову.

– Когда я говорю «рядовой Драмба», – по-прежнему негромко произнес Гаг, – надо отвечать: «Слушаю, господин капрал».

– Понял, господин.

– Не господин, а господин капрал! – заорал Гаг и вскочил на ноги. – Господин капрал, понял? Корыто деревенское!

– Понял, господин капрал.

– Не понял, а так точно!

– Так точно, господин капрал.

Гаг подошел к нему вплотную, подбоченился и снизу вверх уставился в непроницаемую матовую решетку.

– Я из тебя сделаю солдата, дружок, – произнес он ласково-зловещим голосом. – Как стоишь, бродяга? Смирно!

– Не понял, господин капрал, – монотонно прогудел Драмба.

– По команде «смирно» надлежит сомкнуть пятки и развернуть носки, выпятив грудь как можно дальше вперед, прижав ладони к бедрам и оттопырив локти... Вот так. Неплохо... Рядовой Драмба, вольно! По команде «вольно» надлежит отставить ногу и заложить руки за спину. Так уши твои мне не нравятся. Уши можешь опустить?

– Не понял, господин капрал.

– Вот эти штуки свои, которые торчат, можешь опустить по команде «вольно»?

– Так точно, господин капрал. Могу. Но буду хуже видеть.

– Ничего, потерпишь... А ну-ка, попробуем... Рядовой Драмба, смирно!

Вольно! Смирно! Вольно!...

Гаг вернулся в тень обелиска и сел. Да, таких бы солдат хотя бы взвод. На лету схватывает. Он представил себе взвод таких вот Драмб на позиции у той деревушки. Облизнул сухие губы. Да, такого дьявола, наверное, ракетой не прошибешь. Я только вот чего все-таки не понимаю: думает этот долдон или нет?

– Рядовой Драмба! – гаркнул он.

– Слушаю, господин капрал.

– О чем думаешь, рядовой Драмба?

– Ожидаю приказаний, господин капрал.

– Молодец! Вольно!

Гаг вытер пальцем капельки пота, выступившие на верхней губе, и сказал: – Отныне ты есть солдат его высочества герцога Алайского. Я – твой командир. Все мои приказания для тебя закон. Никаких рассуждений, никаких вопросов, никакой болтовни! Ты обязан с восторгом думать о той минуте, когда наступит счастливый миг сложить голову во славу его высочества...

Болван, наверное, половины не понимает, ну да ладно. Важно вбить ему в башку основы. Дурь из него вышибить. А понимает он там или не понимает – дело десятое.

– Все, чему тебя учили раньше, забудь. Я твой учитель! Я твой отец и твоя мать. Только мои приказы должны выполняться, только мои слова будут для тебя приказом. Все, о чем я говорю с тобой, все, что я тебе приказываю, есть военная тайна. Что такое тайна – знаешь?

– Нет, господин капрал.

– Гм... Тайна – это то, о чем должны знать только я и ты. И его высочество, разумеется.

Крутовато я взял, подумал он. Рано. Деревня ведь. Ну ладно, там видно будет. Надо его сейчас погонять. Пусть с него семь потов сойдет, с бродяги.

– Смир-рна! – скомандовал он. – Рядовой Драмба, тридцать кругов вокруг холма – бегом марш!

И рядовой Драмба побежал. Бежал он легко и как-то странно, не по уставу и вообще не по-людски – не бежал даже, а летел огромными скачками, надолго зависая в воздухе, и при этом по-прежнему держал ладони прижатыми к бедрам. Гаг, приоткрыв рот, следил за ним. Ну и ну! Это было похоже на сон. Совершенно бесшумный полубег-полуполет, ни топота, ни хриплого дыхания, и не оступится ведь ни разу, а там же кочки, камни, норы... и ведь поставь ему на голову котелок с водой – не расплескает ни капли!

Какой солдат! Нет, ребята, какой солдат!

– Быстрее! – гаркнул он. – Шевелись, тараканья немочь!

Драмба сменил аллюр. Гаг замигал: у Драмбы исчезли ноги. Вместо ног под совершенно вертикальным туловищем видно было теперь только туманное мерцание, как у пропеллера на больших оборотах. Земля не выдерживала, за гигантом потянулась, темнея и углубляясь на глазах, взрытая борозда, и появился звук – шелестящий свист рассекаемого воздуха и дробный шорох оседающей земли. Гаг еле успевал поворачивать

голову. И вдруг все кончилось. Драмба снова стоял перед ним по стойке «смирно» – неподвижный, огромный, дышащий прохладой. Будто и не бежал вовсе.

Да-а, подумал Гаг. С такого, пожалуй, сгонишь пот... Но в разум-то я его привел или нет? Ладно, рискнем. Он посмотрел на обелиск. Гадко это, вот что. Солдаты ведь лежат... Герои. За что они там дрались, с кем дрались – этого я толком не понял, но дрались – я видел. Дай бог нам всем так драться в наш последний час. Ох, не зря Корней показал мне эти фильмы. Ох, не зря... В душе у Гага шевельнулся суеверный ужас.

Неужели этот лукавый Корней еще тогда предвидел такую вот минуту? Да нет, ерунда, ничего он не мог предвидеть, не господь же он бог все-таки...

Просто хотел тоненько мне намекнуть, с чьими потомками я имею дело... А они здесь лежат. Сколько веков уже они здесь лежат, и никто их не тревожил. Будь они живы – не допустили бы, шуганули бы меня отсюда... Ну, ладно, а если бы это были крысоеды? Нет, пожалуй, все равно гадко... И потом, что за ерунда – крысоеды – трусы, вонючки. А это же солдаты были, я же своими глазами видел! Тьфу, пропасть, даже тошнит... А если бы здесь Гепард стоял рядом? Доложил бы я ему свое решение – что бы он мне сказал?

Не знаю. Знаю только, что его бы тоже замутило. Тут бы всякого замутило, если он, конечно, человек.

Он посмотрел на Драмбу. Драмба стоял по стойке «смирно», равнодушно поводя глазами-ушами. А что мне остается-то? Мыслишка-то правильная!

Гаденькая – не спорю. Скользкая. Другому и в другое время я бы за такую мыслишку сам по рылу бы дал. А мне деваться некуда. Мне такой случай, может, никогда больше не представится. Сразу все проверю. И этого дурака проверю, и насчет наблюдения... Тут в том-то все и дело, что гадко. Тут бы никто не удержался, сразу бы за руку меня схватил, если бы мог. Ладно, хватит слюни распускать. Я это не для собственного удовольствия затеваю. Я не паразит какой-нибудь. Я – солдат и делаю свое солдатское дело, как умею. Простите меня, братья-храбрецы. Если можете.

– Рядовой Драмба! – произнес он дребезжащим голосом.

– Слушаю, господин капрал.

– Приказ! Повалить этот камень! Выполняй!

Он отскочил в сторону, не чуя под собой ног. Если бы здесь был окоп, он прыгнул бы в окоп.

– Живо! – завизжал он, срывая голос.

Когда он разжмурился, Драмба уже стоял, наклонившись, перед обелиском. Огромные руки-лопаты скользнули по граниту и погрузились в пересохшую землю. Гигантские плечи зашевелились. Это длилось секунду.

Робот замер, и Гаг вдруг с ужасом увидел, что его могучие ноги как бы оплывают, укорачиваются на глазах, превращаясь в короткие, толстые, расплющенные внизу тумбы. А потом холм дрогнул. Послышался пронзительный скрип, и обелиск едва заметно накренился. И тогда Гаг не выдержал.

– Стой! – заорал он. – Отставить!

Он кричал еще что-то, уже не слыша самого себя, ругаясь по-русски и по-алайски, никакой нужды не было в этом крике, и он уже понимал это и все-таки кричал, а Драмба стоял перед ним по стойке «смирно», монотонно повторяя: «Слушаю, господин капрал, слушаю, господин капрал...»

Потом он опомнился. Саднило в глотке, все тело болело. Спотыкаясь, он обошел обелиск кругом, трогая гранит дрожащими пальцами. Все было, как прежде, только у основания, под непонятной надписью, зияли две глубокие дыры, и он принялся судорожно забивать в них землю каблуками.

Глава пятая

Всю ночь я не мог заснуть. Крутился, вертелся, курил, в сад высовывался для прохладения. Нервы, видимо, разгулялись после всего.

Драмба торчал в углу и светился в темноте. В конце концов я его выгнал – просто так, чтобы злость сорвать. В голову лезла всякая чушь, картинки всякие, не относящиеся к делу. А тут еще эта койка подлая – я ее засек, что она норовит все время превратиться в этакое мягкое ложе, на каких здесь все, наверное, спят, да еще, подлюга, посягает меня укачивать. Как младенца.

Вообще-то не в том беда, что я заснуть не мог, – я по трое суток могу не спать, и ничего со мной не делается. А главное, что я думать не мог по-человечески. Ничего не соображал. Добился я вчера своего или не добился? Могу я Драмбе теперь доверять или нет? Не знаю. Следит за мной Корней или нет? Опять же не знаю. Вчера после ужина заглянул я к нему в кабинет. Сидит он перед своими экранами, на каждом экране – по рылу, а то и по два, и он со всеми этими рылами разговаривает. Меня как ножом ткнули.

Представил я себе, как бешусь там на холме, истерику закатываю, а он сидит себе здесь в прохладе, смотрит на все это через экран и хихикает. Да еще, может быть, Драмбе радирует: валяй, мол, разрешаю... Нет, про себя я точно знаю, что я бы так не мог. Чтобы на моих глазах оскверняли святыню моего народа, а я бы при этом хихикал и на экранчик смотрел – нет, у меня бы так не получилось. Я вам не крысоед.

А если у него такое задание, сказано ему: любой, мол ценой... Не знаю, не знаю. Давеча, когда я вернулся, он меня сначала встретил, как всегда, потом присмотрелся, насторожился и принялся расспрашивать, что да как. Отец родной, да и только. Я ему опять соврал, что башка болит. От степных запахов. Но он, по-моему, мне не поверил. Виду не подал, конечно, но не поверил. А я весь вечер за ним следил: будет он Драмбу допрашивать или нет. Нет, не допрашивал. Даже не поглядел на него... Ох, ребята, бедная моя голова! Хоть ложись на спинку, и пусть несет, куда несет.

Так промаялся я до самого рассвета. Ложился, вскакивал, кружил по комнате, опять ложился, в окно высовывался, башку в сад свешивал, и в конце концов меня, видно, сморило – задремал я, положив ухо на подоконник.

Проснулся весь в поту и сразу услышал это самое хриплое мяуканье – мррряу-мррряу-мррряу, – словно самого дьявола ангелы небесные душат

голыми руками в преисподней, и мне в лицо из сада фукнуло горячим, как бы шипучим, ветром. Я еще глаз как следует не разлепил, а уже сижу на полу, рукою шарю автомат и высматриваю поверх подоконника, как из-за бруствера.

И в этот раз я все увидел, как это у них делается, с самого начала до самого конца.

Над моей круглой поляной, правой бассейна, загорелась в сумерках яркая точка, и потек от нее вниз и в стороны словно бы жидкий лиловый свет, еще прозрачный, еще кусты сквозь него видно, а он все течет, течет, и вот уже заполнил здоровенный такой конус вроде химической банки в четыре метра высотой, заполнил и тут же стал отвердевать, остывать, меркнуть, и вот уже стоит на поляне ихний звездолет класса «призрак», каким я его увидел в первый раз. И тишина. Первобытная. Даже птицы замолчали. Над поляной – рассветное серо-голубое небо, вокруг поляны – черные кусты и деревья, а посередине поляны – это серебристое чудище, и никак я не могу понять, то ли оно живое, то ли оно вещь.

Потом что-то слабо треснуло, раскрылась в нем черная пасть, звякнуло, зашипело, и выбрался оттуда человек. То есть это я сначала подумал, что человек: руки у него были, ноги. Голова. Весь он был какой-то черноватый, что ли... либо закоптило его, либо обгорел... и весь он был обвешан оружием. Я такого оружия, ребята, никогда не видывал, но с первого взгляда мне ясно стало, что это именно оружие. Оно свисало у него с обоих плеч и с пояса и лязгало и брякало на каждом шагу. По сторонам он не глядел, а двинулся прямо к крыльцу, как в собственный дом, и шагал как-то странно, но я не сразу понял в чем тут дело, потому что глаз не мог оторвать от его лица. Оно у него тоже было черноватое, обгорелое, блестело и отсвечивало, и вдруг он поднял обе руки и принялся его с себя сдирать, как маску – да это, видно, и была маска, потому что он в две секунды с нею управился и с размаху шмякнул ее оземь. И тут меня прошибло потом в другой раз, потому что под этим черноватым, обгорелым, липким и лакированным у него оказалось второе лицо, уже не человеческое – белое, как камень, безносое, безгубое, а глаза – как плоски и светятся. Я на это лицо только взглянул и сразу понял: не могу. Стал глядеть ему на ноги – еще хуже. У него ведь почему такая странная походка была? Он по этой густой траве, по твердой земле шел, как мы с вами шли бы по зыбучему песку или, скажем, по трясине – на каждом шагу проваливался по щиколотку, а то и глубже. Не держала его земля, подавалась...

У крыльца он приостановился на секунду и разом стряхнул с себя всю

свою амуницию. Залязгала она, загрохотала, а он шагнул в дверь – и снова тишина. И пусто. Как в бреду. И звездолета уже нет, словно и не было никогда. Только черные дыры от поляны до дома да груды невиданного оружия у крыльца. Все.

Очень мне захотелось протереть глаза, ущипнуть себя за ляжку и все такое, но я этого делать не стал. Я ведь Бойцовый Кот, ребята. Я весь этот бред отмел. Не впервой. Я только главное оставил: оружие! Впервые я здесь увидел оружие. Я даже одеваться не стал – как был, в одних трусах, махнул через подоконник со второго этажа.

Роса была обильная, ноги мои моментально стали мокрые выше колен, и продрал меня озноб – то ли от этой сырости, то ли, опять же, от нервов.

Около крыльца я присел на корточки и прислушался. Тихо, по-нормальному тихо, по-утреннему. Птички завозились, сверчок какой-то заскрипел. Мне до этого дела не было, я ждал голоса услышать. Нет, не слышно голосов. В этом доме ведь всегда так: не должно быть голосов – галдят, бормочут, переругиваются, причем кто – неизвестно, потому что Корнея в доме нет, шляется где-то, беса тешит. А вот когда, как сейчас, должны люди – или даже пусть не совсем люди, – но должны же они здороваться, друг друга по спинам хлопать, восклицать что-нибудь приветственное! Нет, тут у них будет тишина. Могила. Ладно.

И вот сижу я на корточках и смотрю на эти штуки, которые передо мной лежат, даже на вид тяжеленные, гладкие, масляные, надежные. Никогда я таких не видел ни на картинках, ни в кино. Большой, видно, убойной силы аппараты, да вот беда, непонятно, с какой стороны к ним подступиться, за какое место их брать и на что нажимать. И даже прикасаться к ним как-то боязно: того и гляди – ахнет, костей не соберешь.

В общем, я растерялся, и это было плохо, потому что на самом-то деле мне следовало бы сразу хватать что-нибудь и рвать когти. Ну, Гаг, давай!

Давай быстро! Вот эту коротышку: ствол есть, вместо дула, правда, стекляшка какая-то, зато и рукоятка вроде бы есть, два плоских магазина по сторонам ствола торчат... Все. Нет у меня больше времени. Потом разберусь.

Протянул я руку и осторожно взялся за рукоятку. И тут произошла со мной странная вещь.

Взялся я, значит, за рукоятку. Рубчатая такая, теплая. Пальцы сомкнул. Тяну на себя. Осторожно, чтобы не брякнуло. Тяжесть даже почувствовал. А в кулаке – ничего. Сижу, как пьяный, гляжу на пустой кулак, а машинка эта как лежала на ступеньке, так и лежит. Я сгоряча ее хватать поперек – и опять под пальцами металл, твердое, тяжелое. Рванул на себя – опять

ничего.

И захотелось мне тут заорать во весь голос. Еле сдержался. Посмотрел на ладонь – ладонь в масле. Вытер ее о траву, поднялся. Разочарование, конечно, страшное. Все у них учтено, все рассчитано и предусмотрено, у гадов. Перешагнул я через эту грудку бесполезного для меня железа и пошел в дом. Вижу: в холле, в углу, торчит Драмба. Зашевелил своими ушами, уставился, а мне на него и смотреть было противно. И уже хотел я подняться к себе, как вдруг подумал: а что, если... В конце концов, не все ли равно, у кого в руках будет машинка, у меня или у этого долдона?

– Рядовой Драмба, – сказал я негромко.

– Слушаю, господин капрал, – отозвался он как положено.

– А ну-ка, иди за мной.

Вышли мы обратно на крыльцо. Оружие лежит, никуда не делось.

– Подай мне вот эту, крайнюю, – говорю. – Только осторожно.

– Не понял, господин капрал, – гудит эта дубина.

– Чего ты не понял?

– Не понял, что именно приказано подать.

Провались ты! Мне-то откуда знать, как это называется?

– Как называются эти предметы? – спрашиваю.

Драмба заработал ушами и рапортует: – Трава, господин капрал. Ступени...

– А на ступеньках? – спрашиваю я и чувствую, что меня мороз по коже начинает продирать.

– На ступенях пыль, господин капрал.

– А еще?

Впервые Драмба промедлил с ответом. Долго молчал. У него, видно, тоже шестеренка за шестеренку зашла, как и у меня.

– Еще на ступеньках имеются: господин капрал, рядовой Драмба, четыре муравья... – Он снова помедлил. – А также всевозможные микроорганизмы.

Он их не видел! Понимаете? Не видел! Микроорганизмы он видел, а железяки эти метровой длины видеть ему было не положено. Ему их видеть не положено, а мне – брать. Все, все предусмотрели! И тут я с досады, не сообразив, махнул босой ногой по самой здоровенной железяке, что на крыльце валялась. Взвыл я, палец отшиб начисто, ноготь сломал. А железяка как лежала, так и осталась лежать. Все. Это уже было последней каплей.

Захромал я к себе, зубами скриплю, чуть не плачу, кулаки стиснул. Пришел, повалился на койку, и взяло меня отчаяние, какого не испытывал я

аж с того дня, когда пришел на побывку домой и увидел, что не то что дома моего – всего квартала нет, одни горелые кирпичи громоздятся, и душит гарью.

Почудилось мне в эти черные минуты, что никуда я не годен, ничего я не могу здесь сделать, в этом сытом и лукавом мире, где каждый мой шаг рассчитан и предусмотрен на сто лет вперед. И вполне может быть, что каждое мое действие, какое я еще только собираюсь совершить, они уже знают, как пресечь и обратить себе на пользу.

И чтобы разогнать мрак, я стал вспоминать самое светлое, самое счастливое, что было в моей жизни, и вспомнил тот морозный ясный день, столбы дыма, которые поднимались в зеленое небо, и треск пламени, пожирающего развалины, серый от сажи снег на площади, окоченевшие трупы, изуродованный ракетомет в огромной воронке... А герцог идет вдоль нашей шеренги, мы еще не успели остыть, глаза еще заливает пот, ствол автомата обжигает пальцы, а он идет, тяжело опираясь на руку адъютанта, и снег скрипит под его мягкими красными сапожками, и каждому из нас он внимательно заглядывает в глаза и говорит негромко слова благодарности и одобрения. А потом он остановился. Прямо передо мной. И Гепард, которого я не видел, – я никого не видел, кроме герцога, – назвал мое имя, и герцог положил мне руку на плечо и некоторое время смотрел мне в глаза, и лицо у него было желтое от усталости, иссеченное глубокими морщинами, а вовсе не гладкое, как на портретах, веки красные и воспаленные, и мерно двигалась тяжелая, плохо выбритая челюсть. И все еще держа свою правую руку у меня на плече, он поднял левую и щелкнул пальцами, и адъютант поспешно положил в эти пальцы черный кубик, а я все еще не верил своему счастью, не мог поверить, но герцог произнес низким хриплым голосом: «Открой пасть, Котенок...» – и я зажмурился и открыл рот изо всех сил, почувствовал на языке шершавое и сухое и стал жевать. Волосы встали дыбом у меня под каской, из глаз покатались слезы. Это был личный его высочества жевательный табак пополам с известью и сушеной горчицей, а герцог хлопал меня по плечу и говорил растроганно: «О эти сопляки! Мои верные, непобедимые сопляки!...»

И тут я поймал вдруг себя на том, что улыбаюсь во всю морду. Не-ет, господа, еще не все кончено. Верные, непобедимые сопляки не подведут. Не подводили там, не подведут и здесь. Повернулся я на бок и заснул, чем и кончилось это мое приключение.

Это кончилось, зато другие начались, потому что тихий наш домик вдруг зашевелился. Раньше было как? Позавтракаем мы с Корнеем, потреплемся минут двадцать о том, о сем, и все, до самого обеда я один.

Хочешь – спи, хочешь – книжки читай, хочешь – голоса слушай. А тут – не знаю, то ли кто-то этот ихний гадючник разворошил, то ли у них передышка какая-то кончилась, но только стало в нашем домике тесно.

А началось все с того, что отправился я в тот коридор посмотреть, как там моя переписка. Честно говоря, ничего нового я увидеть не ожидал, однако смотрю – хо! – отозвался мой математик. Прямо под моим вопросом теми же аккуратными маленькими буквами было выведено: «Твои друзья в аду». Вот тебе и на! Что же это получается? «Кто ты, друг?» – «Твои друзья в аду». Значит, их тут несколько... Почему же не пишут, кто они? Боятся? И почему в аду? Нормальному человеку тут, конечно, несладко приходится, но в аду... Я посмотрел на эту крашенную дверь. Может быть, там тюрьма? Или что-нибудь похуже? Что же вы, ребята, толком ничего не сумели написать?

Не-ет, этот коридорчик надо взять под наблюдение. Но это потом, а что мне сейчас написать? Чтобы они сразу все про меня поняли... Ч-черт, математики этой я не знаю. Может быть, у них в этой формуле все зашифровано.

Напишу-ка я им, кто я есть, чтобы они знали, с кем имеют дело и на что я годен. Напишу я им... Я достал припасенный огрызок карандаша и нацарапал печатными буквами: «Бойцовый Кот нигде не пропадет». Очень мне понравилось, как я это придумал. Любому ясно, что я – Кот, что я бодр и готов к действию. Парашютистов этих я в гробу видал, ничего они мне здесь не сделают. А если это ловушка и затеял эту переписку Корней – что ж, пожалуйста, ничего такого я не написал.

Ладно. За коридорчиком этим мы понаблюдаем. А сейчас пришла пора посмотреть, что же у них за этой дверью. Недолго думая, взялся я за ручку и потянул ее на себя. Открылась. Я думал – там комната какая-нибудь будет, или коридор, или лестница... ну что у людей за дверями бывает? Так вот там ничего такого не было. Камера там была. Три на три. Стены черные, матовые.

В стене напротив торчит круглая красная кнопка. И все. Ничего больше в этой камере не было. Я когда эту камеру увидел, мне сразу расхотелось в нее заходить. Да ну их, думаю, к шутам, чего я в этом склепе не видел?

Кнопок красных я не видел, что ли?

Стою я в нерешительности и вдруг слышу сзади – голоса. Близко. Можно сказать, рядом. Ну, думаю, кажется, влип. Захлопнул дверь, зубы стиснул, оборачиваюсь. Переднему по горлу и – в сад, думаю, а там ищи меня, свщи...

Но оказалось, что это не парашютисты. Выворачивает в коридор из-за угла какой-то человек с тележкой, с этакой платформой на колесиках. Я засунул руки в карманы и этакой ленивой походочкой двинулся навстречу.

Коридор широкий, разминемся спокойно. А он уже близко со своей тележкой.

Глянул я на него – змеиное молоко! – черный! Мне сперва даже показалось, что у него вообще головы нет, потом, конечно, присмотрелся и вижу: есть голова. Но черная. То есть вся черная! Не только волосы, но и щеки, уши, лоб, а губы красные, толстые, белки глаз так и сверкают, и зубы тоже. Это с какой же планеты его занесло сюда такого? Я прижался к стене, уступая дорогу изо всех сил – проходи, мол, не задерживайся, только не трогай...

Не тут-то было. Конечно же, он вместе со своей тележкой останавливается около меня, ослепляет меня своими белками и зубами и хриплым нутряным голосом произносит: – По-моему, это типичный алаец...

Я сглотнул, киваю.

– Так точно, – говорю. – Алаец я.

И он начинает говорить со мной по-алайски, но уже не хриплым басом, а приятным таким, нормальным голосом – тенором или, я не знаю там, баритоном.

– Ты, – говорит, – наверное, Гаг. Бойцовый Кот.

– Так точно, – говорю.

– Ты, – спрашивает, – из Центра сейчас?

Ну что я ему отвечу?

– Н-никак нет, – говорю. – Я сам по себе...

Я уже разглядел его и вижу, что человек как человек. Ну, черный... Ну и что? У нас на островах голубые живут, и никто им в нос не тычет. Одет нормально, как все здесь одеваются – рубашка навывпуск, короткие штаны.

Только черный. Весь.

– Ты, может быть, Корнея ищешь? – спрашивает он.

Участливо так спрашивает. Совсем как Корней.

– Вид у тебя какой-то взъерошенный, – спрашивает он.

– Да нет, – отвечаю я с досадой. – Это я вспотел просто. Жарко тут у вас...

– А-а... Так ты бы мундир свой снял, что ты в нем преешь... А Корнея ты пока лучше не ищи, Корней сейчас занят до предела...

Чисто так говорит по-алайски, грамотно, и выговор у него такой столичный, с придыханием. Стильно говорит. Ну, объясняет он мне что-то

про Корнея, где сейчас Корней и чем он занимается, а я все поглядываю на его тележку и, честно вам скажу, ребята, ничего уже не слышу, что он там мне говорит.

Значит, так. Ну, тележка – она тележка и есть, не в тележке дело. А вот на этой тележке лежит у него громадный, вроде бы кожаный мешок.

Кожаный и снаружи как бы маслом облитый, коричневый такой, вроде как куртка бронеходчика. Сверху он, значит, гладкий, без единой морщинки, а внизу весь какой-то смятый, весь в бороздах и складках. И вот там, в этих самых бороздах и складках, я еще в самом начале заметил какое-то движение. Сначала думал – показалось. Потом... В общем, там был глаз.

Оторвите мне руки-ноги – глаз! Какая-то складка там раздвинулась тихонько, и глянул на меня большой круглый темный глаз. Печальный такой и внимательный. Нет, ребята, зря я в этот коридор сегодня пошел. Оно конечно, Бойцовый Кот есть боевая единица сама в себе и так далее, но все-таки о таких встречах в уставе ничего не говорится...

Стою я, держусь за стенку и знай себе долблю: «Так точно... Так точно...» А сам думаю: увези ты это от меня, в самом деле, ну чего ты здесь встал? И понял мой черный, понял, что мне надобно передохнуть.

Говорит хриплым басом: – Привыкай, алаец, привыкай... Пойдемте, Джонатан.

А потом по-алайски нормальным голосом: – Ну, будь здоров, брат-храбрец... Эк тебя скрутило. Да не трусь ты, не трусь, Бойцовый Кот! Это ведь не джунгли...

– Так точно, – сказал я в сто сорок восьмой раз.

Блеснул он своими белками и зубами на прощанье и двинулся с тележкой дальше по коридору. Поглядел я ему вслед – змеиное молоко! – тележка-то катится сама по себе, а он рядом с ней вышагивает сам по себе, совсем отдельно, и уже раздаются опять голоса: один, значит, хриплый бас, а другой нормальный, но говорят они уже оба на каком-то неизвестном языке. И на лопатках у этого черного надпись полукругом: ГИГАНДА. Хороша встреча, а? Еще одна такая встреча, и я в собственные сапоги прятаться начну.

«Привыкай, алаец, привыкай». Не знаю, может быть, я когда-нибудь и привыкну, но в ближайшие полста лет вы меня в этот коридор пряником не заманите... Досмотрел я, как они в этот склеп втиснулись, захлопнули за собой дверь, да и пошел от этого поганого места. Держась за стену.

С этого самого дня стало у нас в домике тесновато. Валят валом. Через нуль-кабину прибывают по двое, по трое. По ночам и особенно под утро от

«призраков» в саду сплошной мьяв стоит. Некоторые вываливаются прямо из чистого неба – один в бассейн угодил, когда я утром купался, тоже устроил мне переживание. И все они к Корнею, и все они галдят на разных языках, и у всех у них дела, и у всех срочные. В холл выйдешь – галдят. В столовую придешь пищу принять – сидят по двое, по трое, кушают и опять же галдят, причем одни поели – другие откуда-то приходят... Я на это просто смотреть не мог: сколько они хозяйского добра даром переводят, хоть бы с собой приносили, что ли... Неужели не понимают, что на всех не напасешься?

Совести у людей нет, вот что я вам скажу. Правда, надо им все-таки отдать справедливость. Все-таки мешков среди них с глазами я больше не заметил.

Были среди них, конечно, довольно жуткие экземпляры, но чтобы совсем уж мешок – нет, таких больше не было. И на том спасибо. Я день терпел, два терпел, а потом от этого нашествия, честно скажу, ребята, просто сбежал.

Возьмешь с утра Драмбу – и на пруды километров за пятнадцать от этого постоянного двора. Я там пруды нашел, роскошное место, камыши, прохлада, уток видимо-невидимо...

Конечно, может быть, я поступил неправильно, смалодушничал. Наверное, я должен был там среди них ториться, подслушивать там, подсматривать, мотать на ус. Но ведь, ребята, я же старался. Сядешь где-нибудь в уголке в гостиной, рот раскроешь, уши развесишь – ни черта не понять. Галдят на непонятных языках, чертят какие-то кривые, мотают друг у друга перед носом какие-то рулоны голубой бумаги со значками, один раз даже карту империи вывесили, битый час по ней пальцами ползали... уж казалось бы, чего проще – карта, а так я и не понял, чего они друг от друга добивались, чего не поделили... Одно я, ребята, понял: что-то у нас там происходит или вот-вот должно произойти. Потому весь этот гадючник и зашевелился.

Короче говоря, решил я предоставить инициативу противнику.

Разобраться в обстановке я не умею, помешать им никак не могу, и остается мне рассуждать примерно так: раз они меня здесь держат – значит, я им зачем-то нужен, а раз я им нужен, то что бы они там не затевали, а рано или поздно ко мне обратятся. Вот тогда мы и посмотрим, как действовать. А пока будем на пруды ходить, Драмбу муштровать и ждать – может, что-нибудь подвернется.

И между прочим, подвернулось.

Как-то раз иду я на завтрак. Смотрю – за столом Корней. И притом

один. Я последние дни Корнея редко видел, да и то вокруг него всегда народ толкся. А тут сидит один, молоко пьет. Ну, поприветствовал я его, сажусь напротив. И странно мне как-то стало – соскучился я по нему, что ли? Тут все дело, наверное, было в его лице. Хорошее у него все-таки лицо. Есть в нем что-то очень мужественное и в то же время, наоборот, детское, что ли?

В общем, лицо человека безо всяких тайных умыслов. Такому и не хочется верить, а веришь. Разговариваем мы с ним, а я все время себе напоминаю: осторожно, Кот, другом он тебе быть никак не может, не с чего ему быть другом, а раз он не друг – значит, враг... И тут он вдруг говорит ни с того ни с сего: – А почему ты, Гаг, мне вопросов не задаешь никогда?

Вот тебе и на – вопросов я ему не задаю. А где мне ему вопросы задавать, когда я его целыми днями не вижу? И что-то мне так горько стало, и ужасно захотелось сказать ему прямо: «А чтобы вранья поменьше слушать, друг лукавый». Но я, конечно, этого не сказал. Пробормотал только: – Почему же не задаю? Задаю...

– Понимаешь, – говорит он, и тон у него такой, будто он передо мной извиняется, – я ведь не могу тебе длинные лекции читать. Во-первых, у меня времени на это нет, сам видишь. И хотел бы с тобой побольше времени проводить, да не могу. А во-вторых, лекции – это, по-моему, скучища. Какой интерес выслушивать ответы на вопросы, которых ты не задавал? Или ты, может, иначе считаешь?

Я растерялся, замычал что-то самому мне непонятное, и тут вваливаются в столовую двое, а за ними еще и третий. Сияют все трое, как начищенные медные чайники. И будто все втроем несут крошечную круглую коробочку и с этой коробочкой – прямиком к Корнею.

– Она? – говорит Корней, поднимаясь им навстречу.

– Она, – отвечают они чуть ли не хором и тут же замолкают.

Я давно заметил, что при Корнее они не галдят. При Корнее они держатся как положено. Корней, надо думать, шутить не любит.

Да. Уплетаю я какую-то вроде бы рыбу, запиваю горячим пойлом, а Корней эту коробочку берет двумя пальцами, открывает ее осторожно и вытягивает из нее узкую красную ленту. Эти трое дышать перестали. В столовой тишина, и слышно только, как галдят в гостиной. Корней эту красную ленточку рассмотрел внимательно – просто так и на свет, – а потом сказал негромко: – Молодцы. Размножьте и раздайте.

И пошел из столовой. Только у самой двери спохватился, повернулся ко мне и сказал: – Извини, Гаг. Ничего не могу поделать.

Я только плечом дернул – мне-то что... пожалуйста! Ну, из этих троих

двое покатали за Корнеем, а третий остался и стал аккуратно укладывать эту красную ленточку обратно в коробочку. Я сижу злой, не люблю пищу принимать при посторонних. Но он на меня вроде бы и внимания не обращает. Он идет через всю столовую в угол, где у Корнея стоит какой-то шкаф не шкаф, сундук не сундук... ящик в общем, поставленный на попа. Я этот ящик сто раз видел и никогда на него внимания не обращал. А он подходит к этому ящику и сдвигает кверху какую-то шторку, и в стенке ящика образуется ярко освещенная ниша. В эту нишу он кладет свою коробочку и шторку опускает.

Раздается короткое гудение, на ящике вспыхивает желтый глаз. Этот тип снова поднимает шторку... и тут, ребята, я есть перестал. Потому что смотрю – а в нише уже две коробочки. Этот тип опять опускает шторку – опять загудело, опять загорелся желтый глаз, поднимает он шторку – четыре коробочки. И пошел, и пошел... Я сижу и только глазами хлопаю, а он – шторку вверх, шторку вниз, гудок, желтый глаз, шторку вверх, шторку вниз... И через минуту у него этих коробочек набралась полная ниша. Выгреб он их оттуда, распахал по карманам, подмигнул мне и выскочил вон.

Ничего я опять не понял. Да здесь никакой нормальный человек бы не понял. Но одно я понял: это надо же, какая машина! Я встал – и к ящику.

Осмотрел его со всех сторон, даже попробовал сзади заглянуть, но голова не пролезла, только ухо прищемил. Ладно. А шторка поднята, и ниша эта так светом и сияет мне в глаза. Змеиное молоко! Я огляделся и хватить со стола мятую салфетку... Скатал ее в шарик между ладонями и бросил в нишу – издали бросил на всякий случай, мало ли что. Нет, все нормально. Лежит себе бумажка, ничего ей не делается. Тогда я осторожненько взялся за шторку и потянул ее вниз. Шторка легко двинулась, прямо-таки сама пошла.

Щелк! И, как следует быть, загудело, зажглась желтая лампа. Ну, Кот!

Потянул я шторку вверх. Точно. Два бумажных шарика. Я их оттуда вилкой осторожно выгреб, смотрю – одинаковые. То есть точь-в-точь! Отличить совершенно невозможно. Я их и так смотрел, и этак, и на просвет – даже, дурак, понюхал... Одинаковые.

Что же это получается? Золотой бы мне сейчас, я бы в миллионах ходил.

Стал я рыться по карманам. Ну, не золотой, думаю, так хотя бы грош медный... Нет гроша. И тут нашариваю я свой единственный патрон. Унитарный патрон калибра восемь и одна десятая. Нет, даже в этот момент я еще не соображал, что здесь к чему. Просто подумал: раз уж денег нет,

так хоть патронов наделаю, они тоже денег стоят. И только когда в нише передо мной шестнадцать штучек медью засверкало, только тогда до меня наконец дошло: шестнадцать патронов – да ведь это же обойма! Полный магазин, ребята!

Стою я перед этим ящиком, смотрю на свои патрончики, и такие интересные мыслишки в голове у меня бродят, что я тут же спохватился и поглядел вокруг, не подслушивает ли кто и не подсматривает ли. Хорошую они машину здесь себе придумали, ничего не скажешь. Полезная машина. Много я у них всякого повидал, но вот такую полезную вещь всего второй раз вижу.

(Первая – это Драмба, конечно.) Ну что ж, спасибо. Собрал я патрончики свои, ссыпал их в карман куртки, оттянули они мне карман, и почувствовал я, ребята, будто забрезжило наконец что-то передо мной вдали.

Машинкой этой я потом не раз еще пользовался. Запас патронов потихоньку пополнял; пуговица у меня оторвалась – я и пуговиц форменных на всякий случай два комплекта наделал; ну еще кое-чего по мелочам. Сначала я берегся, а потом совсем обнаглел: они тут же за столом кушают и галдят, а я стою себе у ящика и знай себе шторкой щелкаю. И хоть бы кто внимание обратил! Беспечный народ, ума не приложу, как это они собираются нашей планетой управлять при такой своей беспечности. Их же у нас перочинными ножиками резать будут. Ведь я здесь прямо у них на глазах мог бы всю их секретную документацию скопировать. Была бы документация... Они ведь на меня ну совсем никакого внимания не обращали. Хочешь подслушивать – подслушивай, хочешь подсматривать – подсматривай... Так, который-нибудь взглянет рассеяно, улыбнется тебе и – снова галдеть. Обидно даже, змеиное молоко! Все-таки я – Бойцовый Кот его высочества, не шпана какая-нибудь мелкая, передо мной такие вот шапки с тротуара сходили и шляпу еще снимали... Правда, не каждый день снимали, а только в дни тезоименитства, но все равно. Так и хотелось мне встать как-нибудь в дверях и гаркнуть по-гепардовски: «Смир-рна! Глаза на меня, тараканья немочь!» То-то забегали бы! Потом я, конечно, запретил себе на эти темы думать. Я свое достоинство унижать права не имею. Даже в мыслях. Пусть все идет как идет.

Мне одному их всех по стойке «смирно» все равно не переставить. Да и нет передо мной такой задачи...

Корней мой в эти дни совсем извелся. Мало того, что ему этот галдеж нужно было регулировать, так свалились на него еще и личные неприятности.

Всего я, конечно, не знаю, но вот однажды вернулся я под вечер с прудов – усталый, потный, ноги гудят, – искупался и завалился в траву под кустами, где меня никто не видит, а я всех вижу. То есть видеть-то особенно было некого – которые оставались, те все сидели в кабинете у Корнея, было у них там очередное совещание, – а в саду было пусто. И тут дверь нуль-кабины раскрывается, и выходит из нее человек, какого я до сих пор здесь никогда не видел. Во-первых, одежда на нем. Которые наши – они все больше в комбинезонах или в пестрых таких рубашках с надписями на спине. А этот – не знаю даже, как определить. Что-то такое строгое на нем, внушительное.

Материальчик серый, понял? – стильный, и сразу видно, что не каждому такой по карману. Аристократ. Во-вторых, лицо. Здесь я объяснить уж совсем не умею. Ну, волосы черные, глаза синие – не в этом дело. Напомнил он мне чем-то того румяного доктора, который меня выходил, хотя этот был совсем не румяный и уж никак не добряк. Выражение одинаковое, что ли?... У наших такого выражения я не видел, наши либо веселые, либо озабоченные, а этот... Нет, не знаю, как сказать.

В общем, вышел он из кабины, прошагал этак решительно мимо меня и – в дом. Слышу: галдеж в кабинете разом стих. Кто же это такой к нам пожаловал, думаю. Высшее начальство? В штатском? И стало мне ужасно интересно. Вот, думаю, взять бы такого. Заложником. Большое дело можно было бы провернуть... И стал я себе представлять во всех подробностях, как я это дело проворачиваю, – фантазия, значит, у меня разыгралась. Потом спохватился. В кабинете уже опять галдят, и тут на крыльцо выходят двое – Корней и этот самый аристократ. Спускаются и медленно идут по дорожке обратно к нуль-кабине. Молчат. У аристократа лицо замкнутое, рот сжат в линейку, голову несет высоко. Генерал, хоть и молод. А Корней мой голову повесил, глядит под ноги и губы кусает. Расстроен. Я только успел подумать, что и на Корнея здесь, видно, нашлась управа, как они останавливаются совсем недалеко от меня, и Корней говорит: – Ну что ж... Спасибо, что пришел.

Аристократ молчит. Только плечами слегка повел, а сам смотрит в сторону.

– Ты знаешь, я всегда рад видеть тебя, – говорит Корней. – Пусть даже вот так, на скорую руку. Я ведь понимаю, ты очень занят...

– Не надо, – говорит аристократ с досадой. – Не надо. Давай лучше попрощаться.

– Давай, – говорит Корней.

И с такой покорностью он это сказал, что мне даже страшно стало.

– И вот что, – говорит аристократ. Жестко так говорит, неприятно. – Меня теперь долго не будет. Мать остается одна. Я требую: перестань ее мучить. Раньше я об этом не говорил, потому что раньше я был рядом и...

Одним словом, сделай что хочешь, но перестань ее мучить!

Корней что-то сказал, почти прошептал – так тихо, что я не уловил его слов.

– Можешь! – говорит аристократ с напором. – Можешь уехать, можешь исчезнуть... Все эти... все эти твои занятия... С какой стати они ценнее, чем ее счастье?

– Это совсем разные вещи, – говорит Корней с каким-то тихим отчаянием. – Ты просто не понимаешь, Андрей...

Я чуть не подскочил в кустах. Ну ясно же – никакой это не начальник и не генерал. Это же его сын, они же даже похожи!

– Я не могу уехать, – продолжает Корней. – Я не могу исчезнуть. Это ничего не изменит. Ты воображаешь, что с глаз долой – из сердца вон. Это не так. Постарайся понять: сделать ничего невозможно. Это судьба.

Понимаешь? Судьба.

Этот самый Андрей задрал голову, посмотрел на отца надменно, словно плюнуть в него хотел, но вдруг аристократическое лицо его жалко задрожало – вот-вот заревет, – он как-то нелепо махнул рукой и, ничего не сказав, со всех ног пустился к нуль-кабине.

– Береги себя! – крикнул ему вслед Корней, но того уже не было.

Тогда Корней повернулся и пошел к дому. На крыльце он постоял некоторое время – не меньше минуты, наверное, стоял, словно собирался с силами и с мыслями, – потом расправил плечи и только после этого шагнул через порог.

Такие вот дела. Насели на человека. Ладно, не мое это дело. Жалко только его. Я бы, конечно, на его месте накидал бы этому сыночку пачек, чтобы знал свое место и не встревал, но только на Корнея это не похоже. То есть непохоже, чтобы он кому-нибудь мог пачек накидать... вернее, пачек-то он накидать мог бы, по-моему, кому угодно, силищи и ловкости он невероятной. Видел я, как они однажды возились возле бассейна – Корней, а против него трое его этих... ну, офицеров, что ли... Как он их кидал! Это же смотреть было приятно. Так что насчет пачек вы будьте спокойны. Но тут дело в том, что без крайней необходимости он никому пачек кидать не станет... не то что пачек, резкого слова от него не услышишь... Хотя с другой стороны, конечно, был один случай... Как-то раз сунулся я к нему в кабинет – не помню уже зачем. То ли книжку какую взять, то ли ленту для проектора. Одним словом, дождь был в тот день. Сунулся и попал вдруг в

полную темноту. Я даже засомневался. Не было еще такого, чтобы в этом доме среди бела дня попадал в темное помещение. Может, меня по ошибке в какую-нибудь кладовку занесло? И вдруг оттуда, из темноты – голос Корнея: – Прогоните еще раз с самого начала...

Тогда я шагнул вперед. Стена за мной затянулась, и стало совсем уж темно, как в ночном тире. Я вытянул перед собой руки, чтобы не треснуться обо что-нибудь, двух шажков не сделал – запутался пальцами в какой-то материи. Я даже вздрогнул от неожиданности. Что еще за материя? Откуда она здесь, в кабинете? Никогда ее здесь раньше не было. И вдруг слышу голоса, и как я эти голоса услышал, так о материи и думать позабыл, и замер, и дышать перестал.

Я сразу понял, что говорят по-имперски. Я это ихнее хурли-мурли где хочешь узнаю, сипение это писклявое. Говорили двое: один – нормальный крысоед, так бы и полоснул его из автомата, а второй... вы, ребята, не поверите, я сначала сам не поверил. Второй был Корней. Ну точно – его голос. Только говорил он, во-первых, по-имперски, а во-вторых, на таких басах, каких я до сих пор не то что от Корнея – вообще на этой планете ни от кого не слыхивал. Это, ребята, был настоящий допрос, вот что это было.

Я этих допросов навидался, знаю, как там разговаривают. Тут ошибки быть не может. Корней ему этак свирепо: гррум-тррум-бррум! А тот, поганец трусливый, ему в ответ жалобно: хурли-мурли, хурли-мурли... Сердце мое возрадовалось, честное слово.

Понимал вот, к сожалению, я только с пятого на десятое, да и то, что понимал, до меня как-то не доходило по-настоящему. Получалось вроде, что этот крысоед – не простой солдат или, скажем, горожанин, а какая-то большая шишка. Может, маршал, а может, и министр. И речь шла у них все время о корпусах и об армиях, а также о положении в столице. То есть это я вывел потому, что слова «корпус», «армия», «столица» мне знакомы, а они то и дело повторялись. И еще мне было понятно, что Корней все время нажимает, а крысоед, хоть и юлит, хоть и подхалимничает, но чего-то недоговаривает, полосатик, крутит, гадина. Корней гремел все яростнее, крысоед пищал все жалобнее, и лично мне было совершенно ясно, что вот именно сейчас и следовало бы вклепать как следует – я даже весь вперед подался, касаясь носом ткани, отделявшей меня от допросной, чтобы ничего не пропустить, когда эта сволочь завизжит и начнет выкладывать, чего от него добиваются.

Но крысоед вдруг совсем замолчал – в обморок закатился, что ли? – а Корней сказал обыкновенным голосом, по-русски: – Очень неплохо. Вольдемар, вы свободны. Теперь попробуем подвести итоги. Во-первых...

Так я, ребята, и не узнал, что там было во-первых. Засветили мне вдруг в лоб с такой силой, что стало мне светло в этом мраке, и очнулся я, ребята, уже в гостиной. Сажу на полу, глазами хлопаю, а надо мной стоит, потирая плечо, этот самый Вольдемар, здоровенный дядька, башка под самый потолок, лицо у него растерянное и расстроенное, смотрит он на меня из-под потолка и говорит – то ли укоризненно, то ли виновато: – Ну что же ты, голубчик? Что же ты там торчал в темноте? Откуда мне было знать? Ты уж извини меня, пожалуйста... Не ушибся?

Я потрогал осторожно свою переносицу – есть у меня там переносица или ее уже вовсе нету, – кое-как поднялся и говорю: – Нет, – говорю. – Не ушибся. Меня ушибли – это было.

Глава шестая

Когда Драмба закончил ход сообщения к корректировочному пункту, Гаг остановил его, прыгнул в траншею и прошелся по позиции. Отрыто было на славу. Траншея полного профиля с чуть скошенными наружу идеально ровными стенками, с плотно утрамбованным дном, без всякой там рыхлой землицы и другого мусора, все в точности по наставлению, вела к огневой – идеально круглой яме диаметром в два метра, от которой отходили в тыл крытые бревнами блиндажи для боеприпасов и расчета. Гаг посмотрел на часы.

Позиция была полностью отрыта за два часа десять минут. И какая позиция!

Такой могла гордиться его высочества Инженерная академия. Гаг оглянулся на Драмбу. Рядовой Драмба возвышался над ним и над краем траншеи. Огромные ладони его были прижаты к бедрам, локти оттопырены, уши опущены, грудь колесом, и от него, смешиваясь с запахом разрытой земли, исходила атмосфера свежести и прохлады.

– Молодец, – сказал Гаг негромко.

– Слуга его высочества, господин капрал! – гаркнул робот.

– Чего нам теперь еще не хватает?

– Банки бодрящего и соленой рыбки, господин капрал!

Гаг ухмыльнулся.

– Да, – сказал он. – Я из тебя сделал солдата, из разгильдяя.

Он взялся за край траншеи и одним движением перебросил тело на траву, потом поднялся, отряхнул колени и еще раз осмотрел позицию – теперь уже сверху. Да, позиция была на славу.

Солнце поднялось высоко, от росы не осталось и следа, луна бледным куском тающего сахара висела над западным горизонтом, над туманными очертаниями города-чудовища. Вокруг мириадами кузнечиков стрекотала степь, ровная, рыже-зеленая, на всем своем протяжении одинаковая и пустая, как океан. Однообразие ее нарушало лишь облачко зелени вдали, в котором краснела черепичная крыша Корнеева дома. Стрекошущая, напоенная пряными запахами степь вокруг, чистое серо-голубое небо над нею, а в центре – он, Гаг. И ему хорошо.

Хорошо, потому что все далеко. Далеко отсюда непостижимый Корней, бесконечно добрый, бесконечно терпеливый, снисходительный, внимательный, неуклонно, миллиметр за миллиметром вдавливающий в

душу любовь к себе, и в то же время бесконечно опасный, словно бомба огромной силы, грозящая взорваться в самый неожиданный момент и разнести в клочья Вселенную Гага.

Далеко отсюда лукавый дом, набитый невиданными и невозможными механизмами, невиданными и невозможными существами вперемешку с такими же, как Корней, людьми-ловушками, шумно кипящий беспорядочной деятельностью без всякой видимой разумной цели, а потому такой же непостижимый и отчаянно опасный для Вселенной Гага. Далеко отсюда весь этот лукавый обманчивый мир, где у людей есть все, чего они только могут пожелать, а потому желания их извращены, цели потусторонни, и средства уже ничем не напоминают человеческие. И еще хорошо, потому что здесь удастся хоть ненадолго забыть о гложащей непосильной ответственности, обо всех этих задачах, которые ноют, как язва, в воспаленной душе – неотложные, необходимые и совершенно неразрешимые. А здесь – все так просто и легко...

– Ого! – произнес Корней. – Вот это да!

Гаг подскочил на месте и обернулся. Корней стоял по ту сторону траншеи, с веселым изумлением оглядывая позицию.

– Да ты фортификатор, – сказал он. – Что это у тебя такое?

Гаг помолчал, но деваться было некуда.

– Позиция, – неохотно буркнул он. – Для тяжелой мортиры.

Корней был поражен.

– Для чего, для чего?

– Для тяжелой мортиры.

– Гм... А где ты возьмешь мортиру?

Гаг молчал, глядя на него исподлобья.

– Ну ладно, это меня, в конце концов, не касается, – сказал Корней, подождав. – Извини, если помешал... Я тут получил кое-какие известия и поспешил, чтобы поделиться с тобой. Дело в том, что ваша война кончилась.

– Какая война? – тупо спросил Гаг.

– Ваша. Война герцогства Алайского с империей.

– Уже? – тихо проговорил Гаг. – Вы же говорили – четыре месяца.

Корней развел руки.

– Ну, извини, – сказал он. – Ошибся. Все мы ошиблись. Но это, знаешь ли, добрая ошибка. Согласись, что мы ошиблись в нужную сторону...

Управились за месяц.

Гаг облизнул губы, поднял голову, снова опустил.

– Кто... – он замолчал.

Корней ждал, спокойно глядя на него. Тогда Гаг снова поднял голову и, глядя прямо ему в глаза, сказал: – Я хочу знать, кто победил.

Корней очень долго молчал, по лицу его ничего нельзя было разобрать.

Гаг сел – не держали ноги. Рядом из траншеи торчала голова Драмбы. Гаг бессмысленно уставился на нее.

– Я ведь уже объяснял тебе, – сказал наконец Корней. – Никто не победил. Вернее, все победили.

Гаг процедил сквозь зубы: – Объясняли... Мало ли что вы мне объясняли. Я этого не понимаю. У кого осталось устье Тары? Это может быть вам все равно, у кого оно осталось, а нам не все равно!

Корней медленно покачал головой.

– Вам тоже все равно, – устало сказал он. – Армий там больше нет – только гражданское население...

– Ага! – сказал Гаг. – Значит, крысоедов оттуда выбили?

– Да нет же... – Корней страдальчески сморщился. – Армий вообще больше не существует, понимаешь? Из устья Тары никто никого не выбивал.

Просто и алайцы, и имперцы побросали оружие и разошлись по домам.

– Это невозможно, – сказал Гаг спокойно. – Я не понимаю, зачем вы мне это рассказываете, Корней. Я вам не верю. Я вообще не понимаю, чего вам от меня надо. Зачем вы меня здесь держите? Если я вам не нужен – отпустите. А если нужен – говорите прямо...

Корней закричал и с силой ударил себя по бедру.

– Значит, так, – сказал он. – Ничего нового по этой части я тебе сообщить не могу. Вижу, что тебе здесь не нравится. Знаю, что ты стремишься домой. Но тебе придется еще потерпеть. Сейчас у тебя на родине слишком тяжело. Разруха. Голод. Эпидемии. А сейчас еще и политическая неразбериха... Герцог, как и следовало ожидать, плюнул на все и бежал, как последний трус. Бросил на произвол судьбы не только страну...

– Не говорите плохо о герцоге, – хрипло прорычал Гаг.

– Герцога больше нет, – холодно сказал Корней. – Герцог Алайский низложен. Впрочем, можешь утешиться: императору тоже не повезло.

Гаг криво ухмыльнулся и снова окаменел лицом.

– Пустите меня домой, – сказал он. – Вы не имеете права меня здесь держать. Я не военнопленный и не раб.

– Давай-ка так, – сказал Корней. – Давай не будем ссориться. Ты плохо себе представляешь, что там у вас делается. А там такие, как ты, сколотили

банды, им все хочется поставить скелет на ноги, а этого, кроме них, никто уже не хочет. За ними охотятся, как за бешеными псами, и они обречены.

Если тебя сейчас отправить домой, ты, конечно же, примкнешь к такой банде, и тогда тебе конец. И дело, между прочим, не только в тебе, дело еще и в тех людях, которых ты успеешь убить и замучить. Ты опасен. И для себя, и для других. Вот так, если откровенно.

Оказывается, Корней мог быть и таким. Перед Гагом стоял боец, и хватка у этого бойца была железная, и бил он в самую точку. Ну, что ж, за откровенность спасибо. Значит, теперь так и будем: ты мне сказал, но я тебе тоже сейчас скажу. Хватит строить из себя мальчика в штанишках.

Надоело.

– Значит, боитесь, что я там буду опасен, – сказал Гаг. Он уже больше не мог и не хотел сдерживаться. – Что ж, воля ваша. Только смотрите, как бы я ЗДЕСЬ не стал опасен!

Они стояли по сторонам траншеи, лицом к лицу, и сначала Гаг торжествовал, что ему удалось вызвать это холодное свечение в обычно добрых до отвращения глазах великого лукавца, а потом вдруг с изумлением и негодованием обнаружил, что свечение это исчезло, и снова у него, сатаны, улыбочка, и глаза снова прищурились по-отечески, змеиное молоко! И вдруг Корней фыркнул, захохотал и закричал, разведя руки: – Кот! Ну кот и кот! Дикий... Ду-умай! – сказал он Гагу и постучал себя по темени. – Думай! Мозгами шевелить надо! Неужели ты зря здесь пятую неделю торчишь?

Тогда Гаг резко повернулся и пошел в степь.

– Думай! – в последний раз донеслось до него.

Он шел не глядя под ноги, проваливаясь в сурчиные норы, спотыкаясь, царапая лодыжки колючками. Он ничего не видел и не слышал вокруг, перед глазами его стояло иссеченное морщинами землистое лицо с безмерно усталыми покрасневшими глазами, и в ушах звучал хриловатый голос: «Сопляки! Мои верные, непобедимые сопляки!» И этот человек, последний родной человек, оставшийся в живых, сейчас где-то спасался, прятался, томился, а его гнали, охотились за ним, как за бешеным волком, вонючие орды обманутых, купленных, осатаневших от страха дикобразов. Чернь, сброд, отбросы – без чести, без славы, без совести... Вранье, вранье, не может этого быть!

Лесные егеря, гвардия, десантники, Голубые Драконы... что, они тоже продались? Тоже бросили? Да ведь у них же ничего не было, кроме него! Они ведь жили только для него! Они умирали за него! Нет, нет, ложь, чушь...

Они взяли его в стальное кольцо, оцетинились штыками, стволами, огнеметами... это же лучшие бойцы в мире, они разгонят и раздавят взбесившуюся солдатню... О, как они будут их гнать, жечь, втоптывать в грязь... А я – я сижу здесь. Кот. Поганый щенок, а не Кот! Подобрали бедненького, залечили лапку, ленточкой украсили, а он знай себе машет хвостиком, молочко тепленькое лакает и все приговаривает «так точно» да «слушаюсь»...

Он споткнулся и упал всем телом в колючую сухую траву, и остался лежать, закрыв голову от нестерпимого стыда. Но ведь один же! Один против всей этой махины! И ребята, друзья мои в этом лукавом аду, замолчали, который день не откликаются, ни строчки, ни буквы – может, их и в живых уже нет... а может, сдались? Неужели же я ничего не могу?

Он трясся, как в лихорадке, под палящим солнцем, в мозгу возникали, кружились, проносились совершенно невозможные, немыслимые способы борьбы, побега, освобождения... Весь ужас был в том, что Корней, конечно же, сказал правду. Недаром работала его машина, недаром съехались, сползлись, слетелись сюда все эти чудища с неведомых миров – сделали свое дело, разорили страну, загубили все лучшее, что в ней было, разоружили, обезглавили...

Он не услышал, как подошел Драмба, но потной спине под раскаленной рубашкой стало прохладно, когда тень робота упала на него, и ему стало легче. Все-таки он был не совсем один. Он еще долго лежал ничком, а солнце двигалось по небу, и Драмба бесшумно двигался возле, оберегая его от зноя.

Потом он сел. Голые ноги были исполосованы колючками. На колено вспрыгнул кузнечик, бессмысленно уставился зелеными капельками глаз. Гаг брезгливо смахнул его и замер, разглядывая руку. Костяшки пальцев были ободраны.

– Когда это я? – произнес он вслух.

– Не могу знать, господин капрал, – сейчас же откликнулся Драмба.

Гаг осмотрел другую руку. Тоже в крови. Землю-матушку, значит, молотил. Родительницу всех этих... ловкачей. Хорош Кот. Только истерики мне и не хватало. Он оглянулся в сторону дома. Зеленое облачко едва виднелось на горизонте.

– Много лишнего я сегодня наболтал, вот что... – сказал он медленно.

– Дикобраз ты, а не Кот. Выдрать тебя некому. Угрожать вздумал, сопляк...

То-то Корней закатился...

Он посмотрел на робота.

– Рядовой Драмба! Что делал Корней, когда я ушел?

– Приказал мне следовать за вами, господин капрал.

Гаг усмехнулся с горечью.

– А ты, конечно, подчинился... – Он поднялся, подошел к роботу вплотную. – Сколько тебя учить, дубина, – прошипел он яростно. – Кому ты подчиняешься? Кто твой непосредственный начальник?

– Капрал Гаг, Бойцовый Кот его высочества, – отчеканил Драмба.

– Так как же ты, дикобраз безмозглый, можешь починаться кому-то еще?

Драмба помедлил, потом сказал: – Виноват, господин капрал.

– Э-эх... – произнес Гаг безнадежно. – Ладно, бери меня на плечи.

Домой.

Дом встретил его непривычной тишиной. Дом был пуст. Улетели стервятники. На падаль. Гаг прежде всего искупался в бассейне, смыл кровь и пыль, тщательно причесался перед зеркалом и, переодевшись в свежее, решительно зашагал в столовую. К обеду он опоздал, Корней уже допивал свой сок. Он с нарочитым безразличием глянул на Гага и снова опустил взгляд в папку, лежащую перед ним. Гаг подошел к столу, кашлянул и проговорил стиснутым голосом: – Я вел себя неправильно, Корней. (Корней кивнул, не поднимая глаз.) Я прошу у вас прощения.

Говорить было невыносимо трудно, язык едва ворочался. Пришлось остановиться на секунду и крепко стиснуть челюсти, чтобы привести себя в порядок.

– Конечно же, я... я буду все делать так, как вы приказываете. Я был неправ.

Корней вздохнул и отодвинул от себя папку.

– Я принимаю твои извинения... – Он побарабанил пальцами по столу.

– Да. Принимаю. Правда, к сожалению, я виноват больше тебя. Да ты садись, ешь...

Гаг сел, не сводя с него настороженного взгляда.

– Видишь ли, ты еще молод, тебе многое можно простить. Но я! – Корней потряс в воздухе растопыренными пальцами. – Старый дурень! Все-таки в моем возрасте и с моим опытом пора бы уже знать, что есть люди, которые могут выдержать удар судьбы, а есть люди, которые ломаются. Первым рассказывают правду, вторым рассказывают сказки. Так что ты тоже прости меня, Гаг.

Давай-ка постараемся забыть эту историю. – И он снова взялся за свои бумаги.

Гаг ел какое-то месиво из мяса и овощей, не чувствуя ни вкуса, ни запаха, словно вату жевал. Уши его пылали. Чушь какая-то опять получалась.

Больше всего хотелось заорать и ударить кулаком по столу. Хватит строить из меня щенка! Хватит! Меня ударами судьбы не сломишь, понятно? Мы не из ржавого железа!... Надо же, как повернул, опять я кругом дурак... Гаг плеснул себе в стакан из оплетенной бутылки с кокосовым молоком. Вообще-то говоря, я и на самом деле дурак. Он со мной как с мужчиной, а я как баба.

Вот и получается – щенок и дурак. Не хочу об этом думать. Не надо мне твоей правды, не надо мне твоих сказок. То есть за правду тебе, конечно, спасибо – я теперь хоть понял, что ждать больше нечего, что пора дело делать.

Корней поднялся, взял папку под мышку и ушел. Лицо у него было удрученное. Гаг, жуя и прихлебывая, поглядел в сад. На песчаную дорожку из густой травы выбрался большой кот рыжей масти, в зубах у него трепыхалось что-то пернатое. Кот угрюмо повел дикими глазами вправо, влево и заструился к дому – должно быть, под крыльцо. Давай, давай, работай, брат-храбрец, подумал Гаг. Мне бы как-нибудь до вечера дотянуть, а там можно будет и делом заняться. Он вскочил, сбросил посуду в лючок и, пройдя по дому на цыпочках, направился в тот самый коридор. Надписей не прибавилось. Друзья в аду молчали. Ладно. Значит, придется все-таки в одиночку. Драмба... Нет. На рядового Драмбу надежды плохи. Жалко,

конечно.

Солдат бесценный. Но веры ему настоящей нет. Лучше уж без него. Пусть только сделает то, что надо, а потом я его... Откомандирую.

Он вернулся в свою комнату, лег на койку, заложил руки за голову.

– Рядовой Драмба! – позвал он.

Драмба вошел и остановился у двери.

– Продолжай, – приказал Гаг.

Драмба привычно загудел прямо с середины фразы: – ...никакого другого выхода. Врач, однако, был против. Он аргументировал свой протест, во-первых, тем, что существо, не принадлежащее к бранчу гуманоидных сапиенсов, не может быть объектом контакта без посредника...

– Пропусти, – сонно сказал Гаг.

– Слушаюсь, господин капрал, – отозвался Драмба и, помолчав, продолжал, на этот раз – с начала фразы: – На контакт вышли: Эварист Козак, командир корабля, Фаина Каминска, старший ксенолог группы, ксенологи...

– Пропусти! – раздраженно сказал Гаг. – Что там было дальше?

Внутри Драмбы заурчало, и он принялся рассказывать, как в зоне контакта вспыхнул неожиданно пожар, контакт был прерван, из-за стены огня раздались вдруг выстрелы, штурман группы семи – гуманоид Кварр погиб, и тело его не было обнаружено, Эварист Козак, командир корабля, получил тяжелое проникающее ранение в область живота...

Гаг заснул.

Он проснулся словно от удара мокрым полотенцем по лицу: где-то рядом разговаривали по-алайски. Сердце колотилось как бешеное, трещала голова.

Но это был не сон и не бред.

– ...Я обратил внимание на то, что большинство его работ написано в Гигне, – говорил незнакомый ломающийся голос. – Может быть, это вам поможет?

– Гигна... – отозвался голос Корнея. – Позволь. Где это?

– Это курортное местечко... западный берег Заггуты. Знаете, озеро такое...

– Знаю. Ты думаешь...

– По-видимому, он часто там работал... Жил, наверное, у какого-нибудь мецената...

Гаг бесшумно скатился с койки и подкрался к окну. На крыльце Корней разговаривал с каким-то парнем лет шестнадцати, худым,

белобрысым, с большими бледными глазами, как у куклы – явным и очевидным алайцем с юга.

Гаг вцепился пальцами в подоконник.

– Это любопытно, – задумчиво сказал Корней. Он похлопал парня по плечу. – Это идея, ты молодчина, Данг. А наши разини прозевали...

– Его надо обязательно найти, Корней! – Парень прижал кулаки к узкой груди. – Вы же сами говорили, что даже ваши ученые заинтересовались, и теперь я понимаю – почему... Он на вашем уровне! Он даже выше кое в чем...

Вы просто обязаны его найти!

Корней тяжело вздохнул.

– Мы сделаем все, что сможем, голубчик... Но знал бы ты, как это трудно! Ты ведь представления не имеешь, что там у вас сейчас делается...

– Имею, – коротко сказал парень.

Они помолчали.

– Лучше бы вы меня там оставили, а его вытащили, – тихо проговорил парень, глядя в сторону.

– На тебя нам повезло наткнуться, а на него – нет, – так же тихо отозвался Корней. Он снова взял парня за плечо. – Мы сделаем все, что в наших силах.

Парень кивнул.

– Хорошо.

Корней снова вздохнул.

– Ну, ладно... Значит, ты прямо в Обнинск?

– Да.

– Тебе там больше понравится. По крайней мере, там у тебя будут квалифицированные собеседники. Не такие дремучие прагматики, как я.

Парень слабо улыбнулся, и они пожали друг другу руки – по-алайски, крест-накрест.

– Что ж, – сказал Корней. – Нуль-кабиной ты теперь пользоваться умеешь...

Они вдруг разом засмеялись, вспомнив, по-видимому, какую-то историю, связанную с нуль-кабиной.

– Да, – сказал парень. – Этому я научился... Умею... Но вы знаете, Корней, мы решили пробежаться до Антонова. Ребята обещали показать мне что-то в степи...

– А где они? – Корней огляделся.

– Сейчас подойдут, наверное. Мы условились, что я пойду вперед, а они меня нагонят... Вы идите, Корней, я и так вас задержал. Спасибо вам

большое...

Они вдруг обнялись – Гаг даже вздрогнул от неожиданности, – а затем Корней слегка оттолкнул парня и быстро ушел в дом. Парень спустился с крыльца и пошел по песчаной дорожке, и тут Гаг увидел, что он сильно хромает, припадая на правую ногу. Эта нога у него была явно короче и тоньше левой.

Несколько секунд Гаг смотрел ему вслед, а потом рывком перебросил тело через подоконник, пал на четвереньки и сразу же нырнул в кусты. Он неслышно следовал за этим Дангом, уже испытывая к нему безотчетную неприязнь, то брезгливое отвращение, которое он всегда чувствовал к людям увечным, ущербным и вообще бесполезным. Но этот Данг был алаец, причем, судя по имени и выговору, – южный алаец, а значит, алаец первого сорта, и как бы там ни было, поговорить с ним было необходимо. Потому что это был все-таки шанс.

Гаг настиг его уже в степи, выждав момент, когда дом до самой крыши скрылся за деревьями.

– Эй, друг! – негромко позвал он по-алайски.

Данг стремительно обернулся. Он даже пошатнулся на покалеченной ноге.

Кукольные глаза его раскрылись еще шире, и он попятился. Все краски сбежали с его тощего лица.

– Ты кто такой? – пробормотал он. – Ты... этот... Бойцовый Кот?

– Да, – сказал Гаг. – Я – Бойцовый Кот. Меня зовут Гаг. С кем имею честь?

– Данг, – отозвался тот помолчав. – Извини, я спешу...

Он повернулся и, хромая еще сильнее, чем раньше, пошел прочь прежней дорогой. Гаг нагнал его и схватил за руку повыше локтя.

– Подожди... Ты что, разговаривать не хочешь? – удивленно проговорил он. – Почему?

– Я спешу.

– Да брось ты, успеешь!... Вот так картинка! Встретились в этом аду два алайца – и чтобы не поговорить? Что это с тобой? Одурел совсем, что ли?

Данг попытался высвободить руку, но куда там! – он был совсем хилый, этот недоносок из южан.

Гаг ничего не понимал.

– Слушай, друг... – начал он с наивозможной проникновенностью.

– В аду твои друзья! – сквозь зубы процедил Данг, глядя на него с явной ненавистью.

От неожиданности Гаг выпустил его руку. На мгновение он даже потерял дар речи. В аду твои друзья... Твои друзья в аду... Твои друзья – в аду!

Он даже задохнулся от бешенства и унижения.

– Ах ты... – сказал он. – Ах ты, продажная шкура!

Задавить, на куски разодрать тварюгу...

– Сам ты барабанная шкура! – прошипел Данг сквозь зубы. – Палач недобитый, убийца...

Гаг, не размахиваясь, ударил его под ложечку, и когда хилек согнулся пополам, Гаг, не теряя драгоценного времени, с размаху ахнул кулаком по белобрысому затылку, подставив колено под лицо. Он стоял над ним, опустив руки, глядел, как он корчился, захлебываясь кровью, в сухой траве, и думал: вот тебе и союзничек, вот тебе и друг в аду... Во рту у него была горечь, и ему хотелось плакать. Он присел на корточки, приподнял голову Данга и повернул к себе его залитое кровью лицо.

– Дрянь... – прохрипел Данг и всхлипнул. – Палач... Даже сюда...

– Зачем это? – произнес сумрачный голос.

Гаг поднял глаза. Над ним стояли двое – какие-то незнакомые из местных, тоже совсем молодые. Гаг осторожно опустил голову южанина на траву и поднялся.

– Зачем... – пробормотал он. – Откуда я знаю – зачем?

Он повернулся и пошел к дому.

Ломая кусты и топча клумбы, он напрямик прошел к крыльцу, поднялся к себе, упал ничком на койку и так пролежал до самого вечера. Корней звал его ужинать – он не пошел. Бубнили голоса в доме, слышалась музыка, потом стало тихо. Отругались воробьи, устраиваясь на ночь в зарослях плюща, завели бесконечные песни цикады, в комнате становилось все темнее и темнее. И когда стало совсем темно, Гаг поднялся, поманил за собой Драмбу и прокрался в сад. Он прошел в самый дальний угол сада, в густые заросли сирени, уселся там прямо на теплую траву и сказал негромко: – Рядовой Драмба. Слушай внимательно мои вопросы. Вопрос первый. По металлу работать умеешь?

Глава седьмая

За завтраком Корней не сказал со мной ни слова, даже не поглядел на меня. Будто меня за столом и нет вовсе. Я, натурально, поджался, жду, что будет, и на душе, надо сказать, гадостно донельзя. Все время то ли вымыться хочется, то ли сдохнуть вообще. Ну, поел я кое-как, поднялся к себе, натянул форму – не помогает. Вроде бы даже еще хуже стало. Взял портрет ее высочества – выскользнул он у меня из рук, закатился под койку, я и искать не стал. Сел перед окошком, локти на подоконник поставил, гляжу в сад – ничего не вижу, ничего не хочу. Домой хочу. Просто домой, где все не так, как здесь. Что за судьба у меня собачья? Ничего ведь в жизни не видел. То есть видел, конечно, много, другому столько не присниться, сколько я наяву видел, а вот радости – никакой. Стал вспоминать, как герцог меня табаком одарил, – бросил, не помогает. Вместо его лица все выплывает этот хилак, тощая его физия, вся в кровище. А вместо его голоса – совсем другой голос, и он все повторяет: «Зачем это? Зачем это?» Откуда я знаю – зачем?

Потом вдруг распахнулась дверь, вошел Корней – как туча, глаза – молнии, – ни слова не говоря, швырнул мне чуть ли не в лицо пачку каких-то листов (это Корней-то! Швырнул!) и, опять ничего не сказав, повернулся и ушел. И дверью грохнул. Я чуть не завыл от тоски, пнул эти листки ногой, по всей комнате они разлетелись. Стал снова в сад глядеть – черно перед глазами, не могу. Подобрал листок, что поближе, стал читать. Потом другой, потом третий... Потом собрал все, сложил по порядку, стал читать снова.

Это были отчеты. Корнеевы люди, которые, как я понимаю, были заброшены к нам, работали там у нас: кто дворником, кто парикмахером, а кто и генералом. И вот они, значит, докладывали Корнею о своих наблюдениях. Чистая работа, ничего не скажешь. Профессионалы.

Ну, было там про этого парнишку, про Данга. Жил он, как и я, в столице и даже недалеко от меня, напротив зоопарка. Отца у него убили еще во время первого тарского инцидента. Он был ученый, ловил в устье Тары каких-то своих научных рыб, ну, там его ненароком и шлепнули. Остался он один с матерью. Как и я. Только мать его была интеллигентная и пошла в учительницы, музыку преподавала. А он, между прочим, сам тоже был парень с головой. Премии всякие в школе хватал, главным образом – по математике. У него способности были большие, вроде как у

меня к технике, только больше.

Когда началась эта война, он чуть ли не в самую первую бомбежку попал под бомбу, ребра ему поломало, правую ногу навеки изуродовало.

И пока я, значит, брал Арихаду, подавлял бунты и ходил в десант в устье Тары, он круглосуточно лежал дома. Я не в укор ему говорю, он там намучился, может быть, еще больше меня: в ихний дом попало две бомбы, его газами отравило, дом весь потом выселили, остались они вдвоем с матерью в этой руине – не знаю уж, почему мать не захотела переезжать. И вот, значит, мать его каждый день уходила на работу, уже теперь не в музыкальную школу, а на патронный завод. Иногда на сутки уходила, иногда на двое. Оставит ему кое-какую еду, суп в ватник завернет, чтобы он мог дотянуться, – сам он с постели почти что и не вставал – и уйдет. Ну вот она однажды ушла, да и не пришла. Неизвестно, что с ней случилось. Этот Данг совсем уже загибался, когда на него случайно вышел Корнеев разведчик. В общем, жуткая, конечно, история. Прямо посреди столицы погибал от голода и холода парень, причем большой математический талант, даже огромный, и всем на него было наплевать. Так бы и подох, как собака под забором, если б не этот тип. Ну, он раз к нему пришел, два пришел, еду ему носит. А парень возьми его и расколи! Тот только рот разинул. А Данг ему вроде ультиматума: или вы меня отсюда к себе возьмете, в ваш мир то есть, или я повешусь. Вон, говорит, петелька висит, видите? Ну, Корней дал, конечно, распоряжение... Такая вот история.

Там еще много чего было. Было там и о герцоге, и об Одноглазом Лисе, и о господине фельдмаршале Брагге, обо всех там было. Как они политику делают, как они развлекаются в свободное время... Я то и дело читать бросал, ногти грыз, чтобы успокоиться. И об ее высочестве тоже было.

Оказывается, гоф-маршалом во дворце служил тоже человек Корнея, так что сомневаться не приходится. Это же не то что для меня материалы подбирались. Это ведь Корней их из какого-то дела надергал, прямо с мясом выдирает. Ну, ладно.

Сложил я эти листки аккуратной стопочкой, подравнял, взвесил на руке и опять по комнате пустил. Вообще-то, если говорить честно, оставалось мне одно: пуля в лоб. Хребет они мне переломили, вот что. Добились своего.

Весь мир в глазах перевернули вверх тормашками. Как жить – не знаю. Зачем жить – не понимаю. Как теперь Корнею в глаза смотреть – и вовсе не ведаю.

Эх, думаю, разбегусь я сейчас по комнате, руки по швам и – в окошко,

башкой вниз. И всему конец, хоть всего-то второй этаж. Но тут как раз приперся Драмба, требует очередной чертеж. Отвлек он меня. А когда ушел, стал я уже рассуждать поспокойнее. Целый час сидел, ногти грыз, а потом пошел и искупался. И странное вдруг у меня облегчение наступило. Словно какой-то пузырь болезненный у меня в душе надувался, надувался, а теперь вот лопнул. Словно я с какими-то долгами рассчитался. Словно я этим отчаянием своим какую-то вину перед кем-то искупил. Не знаю перед кем. И не знаю какую. И в голове у меня только одно: домой, ребята! По домам! Все мои долги, какие еще остались, – все они там, дома.

За обедом Корней мне говорит, не глядя, сурово, неприветливо: – Прочитал?

– Да.

– Понял?

– Да.

На этом наш разговор и кончился.

После обеда заглянул я к Драмбе. Вкалывает мой рядовой вовсю, только стружка летит. Весь в опилках, в горячем масле, руки так и ходят. Одно удовольствие было на него смотреть. Быстро у него дело продвигалось – просто на диво. А мне теперь оставалось только одно: ждать.

Ну, ждать пришлось мне недолго, дня два. Когда машинка была готова, я ее сложил в мешок, отнес к прудам, собрал там и опробовал с молитвою.

Ничего машинка, молотит. Плюется, но все-таки получилась она получше, чем у наших повстанцев, которые делали свои сморкалки вообще из обрезков водопроводных труб. Ну, вернулся я, сунул ее вместе с мешком в железный ящик. Готов.

И вот в тот же вечер (я уже спать нацеливался) открывается дверь, и стоит у меня на пороге эта женщина. Слава богу, я еще не разделся – сидел на койке в форме и снимал сапоги. Правый снял, но только это за левый взялся, смотрю – она. Я ничего даже подумать не успел, только взглянул и, как был в одном сапоге, вскочил перед нею и вытянулся. Красивая она была, ребята, даже страшно – никогда я у нас таких не видел, да и не увижу, наверное, никогда.

– Простите, – говорит она, улыбаясь. – Я не знала, что здесь вы. Я ищу Корнея.

А я молчу, как болван деревянный, и только глазами ее ем, но почти ничего не вижу. Обалдел. Она обвела взглядом комнату, потом снова на меня посмотрела – пристально, внимательно, уже без улыбки – ну, видит, что от меня толку добиться невозможно, кивнула и вышла, и дверь за собой

тихонько прикрыла. И верите ли, ребята, мне показалось, что в комнате сразу стало темнее.

Долго я стоял вот так, в одном сапоге. Все мысли у меня спутались, ничегошеньки я не соображал. Не знаю уж, в чем тут дело: то ли освещение было какое-то особенное в ту минуту, а может быть, и сама эта минута была для меня особенной, но я потом полночи все крутился и не мог в себя прийти. Вспоминал, как она стояла, как глядела, что говорила. Сообразил, конечно, что она мне неправду сказала, что вовсе она не Корней искала (нашла, где искать!), а зашла она сюда специально, на меня посмотреть.

Ну, это ладно. Другая мысль меня в тоску смертную вогнала: понял я, что довелось мне увидеть в эту минуту малую частичку настоящего большого мира этих людей. Корней ведь меня в этот мир не пустил и правильно, наверное, сделал. Я бы в этом мире руки на себя наложил, потому что это невозможно: видеть такое ежеминутно и знать, что никогда ты таким, как они, не будешь и никогда у тебя такого, как у них, не будет, а ты среди них, как сказано в священной книге, есть и до конца дней своих останешься «безобразен, мерзок и затхл»... В общем, плохо я спал в эту ночь, ребята, можно сказать, что и вовсе не спал. А едва рассвело, я выбрался в сад и залег в кустах на обычном своем наблюдательном пункте. Захотелось мне увидеть ее еще раз, разобраться, понять, чем же она меня вчера так ударила. Ведь видел же я ее и раньше, из этих самых кустов и видел...

И вот когда они шли по дорожке к нуль-кабине, рядом, но не касаясь друг друга, я смотрел на нее и чуть не плакал. Ничего опять я в ней не видел. Ну, красивая женщина, спору нет, – и все. Вся она словно погасла.

Словно из нее душу живую вынули. В синих глазах у нее была пустота, и около рта появились морщины.

Они прошли мимо меня молча, и только у самой кабины она, остановившись, проговорила: – Ты знаешь, у него глаза убийцы...

– Он и есть убийца, – тихо ответил Корней. – Профессионал...

– Бедный ты мой, – сказала она и погладила его ладонью по щеке. – Если бы только я могла с тобой остаться... но я правда не могу. Мне здесь тошно...

Я не стал дальше слушать. Ведь это они про меня говорили. Прокрался я к себе в комнату, посмотрел в зеркало. Глаза как глаза. Не знаю, чего ей надо. А Корней правильно ей сказал: профессионал. Тут стесняться нечего.

Чему меня научили, то я и умею... И я всю эту историю от себя отмел. У вас свое, у меня свое. Мое дело сейчас – ждать и дожидаться.

Как я оставшиеся три дня провел – не знаю. Ел, спал, купался. Опять спал. С Корнеем мы почти не разговаривали. И не то чтобы он меня не простил за тот случай или всякое там, нет. Просто он занят был по горло.

Теперь уж до последнего предела. Даже осунулся. Народ к нам снова зачастил, так и прут. Не поверите – дирижабль прилетел, целые сутки висел над садом, а к вечеру как посыпались из него, как посыпались... Но вот что удивительно – за все это время ни одного «призрака». Я уже давно заметил: «призраки» у них здесь прибывают либо поздним вечером, либо рано утром, не знаю уж почему. Так что днем я как в тумане был, ни на что внимания не обращал, а как солнце сядет, звезды высыпают, так я у окна с машинкой на коленях. А «призраков» нет, хоть ты лопни. Я жду, а их нет. Я уж, честно говоря, тревожиться начал. Что это, думаю, специально? И тут он все на сто лет вперед рассчитал?

За все это время только одно интересное событие и произошло. В последний день. Дрыхну это я перед ночной своей вахтой, и вдруг будит меня Корней.

– Что это ты среди бела дня завалился? – спрашивает он меня недовольно, но недовольство это, я вижу, какое-то ненастоящее.

– Жарко, – говорю. – Сморил.

Сморозил, конечно, спросонья. Как раз весь этот день дождик с самого утра моросил.

– Ох, распустил я тебя, – говорит он. – Ох, распустил. У меня руки не доходят, а ты пользуешься... Пойдем. Ты мне нужен.

Вот это номер, думаю. Понадобился. Ну, конечно, вскакиваю, постель привел в порядок, берусь за сандалии, и тут он мне преподносит.

– Нет, – говорит. – Это оставь. Надень форму. И оправься как следует... причешись. Вахлак вахлаком, смотреть стыдно...

Ну, ребята, думаю, моря горят, леса текут, мышка в камне утонула.

Форму ему. И разобрало меня любопытство, сил нет. Облачаюсь, затягиваюсь до упора, причесался. Каблуками щелкнул. Слуга вашего превосходительства.

Он осмотрел меня с головы до ног, усмехнулся чему-то, и пошли мы через весь дом к нему в кабинет. Он входит первым, отступает на шаг в сторону и четко по-алайски произносит: – Разрешите, господин старший бронемастер, представить вам. Бойцовый Кот его высочества, курсант третьего курса Особой столичной школы Гаг.

Гляжу – и в глазах у меня потемнение, а в ногах дрожание. Прямо передо мной, как приведение, сидит, развалясь в кресле, офицер-бронеходчик, Голубой Дракон, «Огонь на колесах» в натуральную величину, в походной форме при всех знаках различия. Сидит, нога на ногу, ботинки сияют, шипами оскалились, коричневая кожаная куртка с подпалинами, с плеча свисает голубой шнур – тот еще волк, значит... И морда, как у волка, горелая пересаженная кожа лоснится, голова бритая наголо, с коричневыми пятнами от ожогов, глаза, как смотровые щели, без ресниц...

Ладони у меня, ребята, сами собой уперлись в бедра, а каблуки так щелкнули, как никогда еще здесь не щелкали.

– Вольно, курсант, – произнес он сиплым голосом, берет из пепельницы сигаретку и затягивается, не отрывая от меня своих смотровых щелей.

Я опустил руки.

– Несколько вопросов, курсант, – сказал он и положил сигарку обратно на край пепельницы.

– Слушаю вас, господин старший бронемастер!

Это не я говорю, это мой рот сам отбарабанивает. А я в это время думаю: что же это такое, ребята? Что же это происходит? Ничего не соображаю. А он говорит, невнятно так, сглатывая слова, я эту ихнюю манеру знаю: – Слышал, что его высочество удостоил тебя... а-а... жевательным табаком из собственной руки.

– Так точно, господин старший бронемастер!

– Это за какие же... а-а... подвиги?

– Удостоен как представитель курса после взятия Арихады, господин старший бронемастер!

Лицо у него равнодушное, мертвое. Что ему Арихада? Опять взял

сигарку, осмотрел тлеющий кончик, вернул в пепельницу.

– Значит, был удостоен... Раз так, значит... а-а... нес впоследствии караульную службу в ставке его высочества...

– Неделю, господин старший бронемастер, – сказал мой рот, а голова моя подумала: ну, чего пристал? Чего тебе от меня надо?

Он вдруг весь подался вперед.

– Маршала Нагон-Гига в ставке видел?

– Так точно, видел, господин старший бронемастер!

Змеиное молоко. Экий барин горелый выискался! Я с самим генералом Фраггой разговаривал, не тебе чета, и тот со второго моего ответа позволил и приказал: без званий. А этому, видно, как музыка: «Господин старший бронемастер». Новопроизведенный, что ли? А может, из холопов, выслужился... опомниться не может.

– Если бы сейчас маршала встретил, узнал бы его?

Ну и вопросик! Маршал – он был такой низенький, грузный, глаза у него все слезились. Но это от насморка. Если бы у него глаза не было или, скажем, уха... а так – маршал как маршал. Ничего особенного. В ставке их много, Фрагга был еще из боевых...

– Не могу знать, – сказал я.

Он снова откинулся на спинку кресла и снова взялся за сигарку. Не нравилась ему эта сигарка. Он ее больше в руках держал да обнюхивал, чем затягивался. Ну и не курил бы... вон бычок какой здоровенный, а я мох курю...

Он подобрал под себя свои голенастые ноги, поднялся, прошел к окну и стал спиной ко мне со своей сигаркой – только голубой дымок поднимается из-за плеча. Думает. Мыслитель.

– Ну, хорошо, – говорит, совсем уже невнятно, и получается у него «нухшо». – А нет ли у тебя... а-а... курсант, старшего брата у нас в Голубых бронеходцах?

Даже морду не повернул. Так, ухо немножко в мою сторону преклонил. А у меня, между прочим, три брата было... могли бы быть, да все в грудном возрасте померли. И такая меня злоба вдруг взяла, на все вместе разом.

– Какие у меня, змеиное молоко, братья? – говорю. – Откуда у нас братья? Мы сами сами-то еле живы...

Он мигом ко мне повернулся, словно его шилом ткнули. Уставился. Ну чисто бронеход! А я вроде бы в окопе сижу... У меня по старой памяти кожа на спине съежилась, а потом думаю: идите вы все с вашими взорами, тоже мне – старший бронемастер драной армии... Сам небось драпал, все

бросил, аж сюда додрапал, от своих же небось солдат спасался... И отставляю я нагло правую ногу, а руки завожу за спину и гляжу ему прямо в смотровые щели.

Полминуты он, наверное, молчал, а потом негромко посипел: – Как стоишь, курсант?

Я хотел сплюнуть, но удержался, конечно, и говорю: – А что? Стою как стою, с ног не падаю.

И тут он двинулся на меня через всю комнату. Медленно, страшно. И не знаю я, чем бы это все кончилось, но тут Корней из своего угла, где он все это время сидел с бумажками, подает вдруг голос: – Бронемастер, друг мой, полегче... не заезжайте...

И все. По опаленной морде прошла какая-то судорога, и господин старший бронемастер, не дойдя до меня, свернул к своему креслу. Готов.

Скис Голубой Дракон. Это тебе не комендатура. И ухмыльнулся я всем своим одеревенелым лицом как только мог нагло. А сам думаю: ну, а если бы Корнея не было? Вышел бы Корней на минуту? Ударил бы он меня, и я бы его убил.

Точно, убил бы. Руками.

Он повалился в свое кресло, придавил наконец в пепельнице эту сигарку и говорит Корнею: – Все-таки у вас здесь очень жарко, господин Корней... Я бы не отказался от чего-нибудь... а-а... освежающего.

– Соку? – Предлагает Корней.

– Соку? А-а... нет. Если можно, чего-нибудь покрепче.

– Вина?

– Да, пожалуйста.

На меня он больше не смотрит. Игнорирует. Берет у Корнея бокал и запускает в него свой обгорелый нос. Сосет. А я обалдел. То есть как это?

Нет, конечно, всякое бывает... тем более, разгром... разложение... Да нет!

Это же голубой дракон! Настоящий! И вдруг у меня как пелена с глаз упала.

Шнурок... вино... Змеиное молоко, да ведь это же все липа! Корней говорит: – Ты не выпьешь, Гаг?

– Нет, – говорю. – Не выпью. И сам не выпью, и этому не советую... господину старшему бронемастеру.

И такое меня веселье злое разобрало, я чуть не расхохотался. Они оба на меня вылупились. А я подошел к этому горелому барону, отобрал у него бокал и говорю – мягко так, отечески поучаю: – Голубые Драконы, – говорю, – вина не пьют. Они вообще спиртного не пьют. У них, господин

старший бронемастер, зарок: ни капли спиртного, пока хоть одна полосатая крыса оскверняет своим дыханием атмосферу Вселенной.

Это раз. А теперь шнурочек... – Берусь я за этот знак боевой доблести, отстегиваю от пуговицы куртки и аккуратненько пускаю его вдоль рукава. – Шнурок доблести только по уставу вам положено пристегивать к третьей пуговице сверху. Никакой настоящий Дракон его не пристегивает. На гауптвахтах сидят, но не пристегивают. Это, значит, два.

Ах, какое я наслаждение испытывал. Как мне было легко и прекрасно!

Оглядел я еще раз их, как они меня слушают, будто я сам пророк Гагура, вещающий из ямы истину господню, да и пошел себе на выход. На пороге я остановился и напоследок добавил: – А при разговоре с младшим по чину, господин старший бронемастер, не велите себя все время величать полным титулом. Ошибки здесь большой, конечно, нет, только уважать вас не будут. Это не фронтовик, скажут, это тыловая крыса в форме фронтовика. И лицо обгорелое вам не поможет. Мало ли где люди обгорают...

И пошел. Сел у окошка, ручки на коленях сложил – хорошо мне так, спокойно, как будто я большое дело сделал сию, перебираю в голове, как все это было. Как Корней сначала только глазами хлопал, а потом подобрался весь, каждое мое слово ловил, шею вытянув, а у этого фальшивого бронемастера даже варешка открылась от внимания... Но, конечно, я недолго так себя тешил, потому что очень скоро пришло мне в голову, что на самом-то деле получилась какая-то чушь, получилось, что они засылают к нам шпиона, а я этому помогаю. Консультирую, значит. Как последняя купленная дрянь. Обрадовался, дурак! Разоблачил! Взяли бы его там, поставили к стенке, и делу конец... Какому делу? Не-ет, это все не так просто. Я ведь почему завелся? Меня этот Дракон завел. Мне ж на него смотреть тошно было.

Раньше небось не тошнило, раньше пал бы я перед ним на колени, перед братом-храбрецом, сапоги бы ему чистил с гордостью, хвастался бы потом...

Знаешь, я кому сапоги чистил? Старшему бронемастеру! Со шнурком!...

Нет-нет, разобраться надо, разобраться...

Сидел я аж до самых сумерек и все разбирался, а потом пришел Корней, руку мне положил на плечо, прямо как тому... Дангу.

– Ну, – говорит, – дружище, спасибо тебе. Я так и чувствовал, что ты что-нибудь заметишь. Понимаешь, мы его в большой спешке готовили...

Человека одного спасти надо. Большого вашего ученого. Есть

подозрение, что он скрывается на западном берегу озера Заггута, а там сейчас бронечасть окопалась, и никому туда проходу нет. Только своих принимают. Так что считай: ты сегодня двух человек спас. Двух хороших людей. Одного вашего и одного нашего.

Ладно. Много он мне еще всякого наговорил. Прямо медом по сердцу. Я уж не знал, куда глаза девать, потому что когда я их, значит, консультировал, у меня, натурально, и в мыслях не было кого-нибудь спасать. Просто от злорадства у меня все это получилось. Ладно.

– Когда же он отбывает? – спрашиваю. Просто так спросил – поток Корнеева красноречия немножко притормозить.

– Утром, – отвечает. – В пять утра.

И тут до меня дошло. Эге, думаю. Вот и дождался.

– Отсюда? – спрашиваю. Уже не просто так.

– Да, – отвечает он. – С этой поляны.

Так.

– Угу, – говорю. – Надо бы мне его проводить, посмотреть напоследок. Может, еще что замечу...

Корней засмеялся, снова потрепал меня по плечу.

– Как хочешь, – говорит. – Но лучше бы тебе поспать. Ты что-то последнее время совсем от режима отбился. Пойдем ужинать, и ложись-ка ты спать.

Ну, пошли мы ужинать. За ужином Корней был веселый, давно я его таким не видел. Рассказывал разные смешные истории из тех времен, когда работал он у нас в столице курьером в одной банке, как его гангстеры вербовали и что из этого вышло. Спросил он меня, где Драмба, почему его последние дни не видно. Я ему по-честному сказал, что Драмба у меня строит укрепрайон около прудов.

– Укрепрайон – это хорошо, – говорит он серьезно. – Значит, в крайнем случае будет где отсидеться. погоди, я освобожусь, мы еще настоящую военную игру устроим, все равно ребят нужно будет тренировать...

Ну, поговорили мы про муштровку, про маневры; я смотрю, какой он ласковый да приветливый, а сам думаю: попросить его, что ли, еще разок?

Добром. Отпусти, мол, меня домой, а? Нет, не отпустит. Он меня до тех пор не отпустит, пока точно не убедится, что я безопасен. А как его убедить, что я уже и так безопасен, когда я и сам не знаю этого? Да и не узнаю, пока там не окажусь...

Расстались мы. Пожелал он мне спокойного сна, и пошел я к себе. Спать я, конечно, не стал. Так, прилег немножко, подремал вполглаза. А в три часа уже поднялся, стал готовиться. Готовился я так, как ни в какой

поиск никогда еще не готовился. Жизнь моя должна была решаться этим утром, ребята. В четыре часа я уже был в саду и сидел в засаде. Время, как всегда в таких случаях, еле ползло. Но я был совершенно спокоен. Я просто знал, что должен эту игру выиграть и что по-другому быть просто не может. А время... Что ж, медленно там или быстро, а оно в конце концов всегда проходит.

Ровно в пять, только роса выпала, раздалось у меня над самым ухом знакомое хриплое мяуканье, ударило по кустам горячим ветром, зажегся над поляной первый огонь, и вот – он уже стоит. Рядом. Так близко я его еще никогда не видел. Огромный, теплый, живой, и бока у него, оказывается, вроде бы даже шерстью покрыты, и заметно шевелятся, пульсируют, дышат...

Черт знает, что за машина. Не бывает таких машин.

Я переменял позицию, чтобы быть поближе к дорожке. Смотрю – идут. Впереди мой Голубой Дракон, шнурок у него болтается как положено, в руке стэк, это они хорошо додумались: у них ведь, если шнурок заслужил, то обязательно и стэк, я и сам об этом позабыл. В порядке мой Дракон. Корней шагает за ним следом, и оба они молчат – видно, все уже сказано, остается только руки пожать или, как у них здесь принято, обняться и на дорогу благословить. Я подождал, пока подошли они к «призраку» вплотную, чвакнул, раскрываясь, люк, – и тут я вышел из кустов и наставил на них свою машинку.

– Стоять не шевелясь!

Они разом повернулись ко мне и застыли. Я стоял на полусогнутых, приподняв ствол автомата, – это на тот случай, если кто-нибудь из них

вдруг прыгнет на меня через все десять метров, которые нас разделяют, и тогда я встречу его в воздухе.

– Я хочу домой, Корней, – сказал я. – И вы меня сейчас туда заберете. Без всяких разговоров и без всяких отсрочек...

В рассветных сумерках лица их были очень спокойны, и ничего на них не было, кроме внимания и ожидания, что я еще скажу. И краем сознания я отметил, что Корней остался Корнеем, а Голубой Дракон остался Голубым Драконом, и оба они были опасны. Ох, как они были опасны!

– Или мы туда отправимся вместе, – сказал я, – или туда не отправится никто. Я вас тут обоих положу и сам лягу.

Сказал и замолчал. Жду. Нечего мне больше сказать. Они тоже молчат.

Потом Голубой Дракон чуть поворачивает голову к Корнею и говорит: – Этот мальчишка... а-а... совершенно забылся. Может быть, мне взять его с собой? Мне же нужен... а-а... денщик.

– Он не годится в денщики, – сказал Корней, и на лице его ни с того ни с сего вдруг появилось то самое выражение предсмертной тоски, которое озадачило меня в первый раз еще в госпитале.

Я даже растерялся.

– Мне надо домой! – сказал я. Как будто прощения просил.

Но Корней уже был прежним.

– Кот, – сказал он. – Эх, ты, котяра... гроза мышей!

Глава восьмая

Гаг продрался через последние заросли и вышел к дороге. Он оглянулся.

Ничего уже нельзя было разобрать за путаницей гнилых ветвей. Лил проливной дождь. Смарадом несло из кювета, где в глиняной жиже кисли кучи какого-то зловещего черного тряпья. Шагах в двадцати, на той стороне дороги, торчал, завалившись бортом в трясину, обгорелый бронеход – медный ствол огнемета нелепо целился в низкие тучи. Гаг перепрыгнул через кювет и по обочине зашагал к городу. Дороги как таковой не было. Была река жидкой глины, и по этой жиже навстречу, из города, поминутно увязая, тащились запряженные изнемогающими волами расхлябанные телеги на огромных деревянных колесах, и закутанные до глаз женщины, поминутно оскальзываясь, плача и скверно ругаясь, неистово молотили волов по ребристым бокам, а на телегах, погребенные среди мокрых узлов, среди торчащих ножками стульев и столов, жались друг к другу бледные золотушные ребятишки, как обезьяны под дождем – их было много, десятки на каждой телеге, и не было в этом плачевном обозе ни одного мужчины...

На сапогах уже налипло по пуду грязи, дождь пропитал куртку, лил за воротник, струился по лицу. Гаг шагал и шагал, а навстречу тянулись беженцы, сгибались под мокрыми тюками и ободранными чемоданами, толкали перед собой тележки с жалкой поклажей, молча, выбиваясь из последних сил, давно, без остановок. И какой-то старик со сломанным костылем на коленях сидел прямо в грязи и монотонно повторял без всякой надежды: «Возьмите ради бога... Возьмите ради бога...» И на покосившемся телеграфном столбе висел какой-то чернолицый человек со скрученными за спиной руками...

Он был дома.

Он миновал застрявший в грязи военный санитарный автофургон. Водитель в грязном солдатском балахоне, в засаленной шапке блином, приоткрыв дверцу, надсадно орал что-то неслышное за ревом двигателя, а у заднего борта в струях грязи, летящих из-под буксующих колес, бестолково и беспомощно суетились маленький военврач с бакенбардами и молоденькая женщина в форме, видимо медсестра. Проходя мимо, Гаг мельком подумал, что только этот автомобиль направляется в город навстречу общему потоку, да и он вот застрял...

– Молодой человек! – услышал он. – Стойте! Я вам приказываю!

Он остановился и повернул голову. Военврач, оскальзываясь, нелепо размахивая руками, бежал к нему, а следом кабаном пер водитель, совершенно озверелый, красно-лиловый, квадратный, с прижатыми к бокам огромными кулаками.

– Немедленно извольте нам помочь! – фальцетом закричал врач, подбегая. Весь он был залит коричневой жижей, и непонятно было, что он мог видеть сквозь заляпанные стеклышки своего пенсне. – Немедленно! Я не позволяю вам отказываться!

Гаг молча смотрел на него.

– Поймите, там чума! – кричал врач, тыча грязной рукой в сторону города. – Я везу сыворотку! Почему никто не хочет мне помочь?

Что в нем было? Старенький, немощный, грязный... А Гаг почему-то вдруг увидел перед собой залитые солнцем комнаты, огромных, красивых, чистых людей в комбинезонах и пестрых рубашках, и как вспыхивают огни «призраков» над круглой поляной... Это было словно наваждение.

– Р-разговаривать с ним, с заразой! – прохрипел водитель, отодвигая врача. Страшно сопя, он ухватил автомат за ствол, выдернул его у Гага из-под мышки и с хрюканьем зашвырнул в лес. – Вырядился, супчик, змеиное молоко... А ну!

Он с размаху влепил Гагу затрещину, и доктор сразу же закричал:

– Прекратите! Немедленно прекратите!

Гаг покачнулся но устоял. Он даже не взглянул на водителя. Он все глядел на врача и медленно стирал с лица след удара. А врач уже тащил его за рукав.

– Прошу вас, прошу... – бормотал он. – У меня двадцать тысяч ампул. Прошу вас понять... Двадцать тысяч! Сегодня еще не поздно...

Да нет, это был алаец. Обыкновенный алаец-южанин... Наваждение. Они подошли к машине. Водитель, бурча и клопоча, полез в кабину, гаркнул оттуда: «Давай!», и сейчас же заревел двигатель, и Гаг, встав между девушкой и врачом, изо всех сил уперся плечом в борт, воняющий мокрым железом. Завывал двигатель, грязь летела фонтаном, а он все нажимал, толкал, давил и думал: «Дома. Дома...»

